Сотник. Не по чину

Автор:
Евгений Красницкий

Сотник. Не по чину

Евгений Сергеевич Красницкий

Ирина Николаевна Град

Елена Анатольевна Кузнецова

ОтрокСотник #2

Общеизвестно, что управленец должен управлять. А что делать, если он сам оказался в положении управляемого? Что делать, если перед ним – управленцы более высокой квалификации, если они обладают реальной властью, а главное, информацией, которой не спешат делиться? Ответ, как это ни банально, все тот же – продолжать управлять.

Тем более что события вынесли Мишку на новый, более высокий уровень, где и риски, и ставки гораздо больше, чем раньше, и где не сразу поймешь, в выигрыше ты или в полном провале. Впрочем, хороший управленец умеет любые провалы превращать в будущие победы, а на ошибках не только учится, но и оборачивает их к своей выгоде.

Евгений Красницкий, Елена Кузнецова, Ирина Град

Сотник: Не по чину

© Евгений Красницкий, 2018

© Елена Кузнецова, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

***

Авторы сердечно благодарят за помощь и советы своих помощников-ридеров: Дениса Варюшенкова, Юлию Высоцкую, Сергея Гильдермана, Геннадия Николайца, Юрия Парфентьева, Павла Петрова, а также пользователей сайта http://www.krasnickij.ru: deha29ru, Andre, Дачник, BLR, Ульфхеднар, Ротор, leopard, Скиф, Marochka77, Laguna, arh_78, sanyaveter, nekto21 и многих, многих других.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Евгений Сергеевич Красницкий ушел из жизни 25 февраля 2013 года. Для родных и друзей его неожиданная смерть стала тяжелым ударом, а для многочисленных читателей – не менее тяжелой потерей: Евгений Сергеевич не успел закончить вторую книгу из цикла «Сотник».

Во время работы он подолгу в подробностях обсуждал с нами будущее не только «наших» героинь, но и всего созданного им Мира. У нас остались все материалы, над которыми он работал, и многочасовые аудиозаписи разговоров, в которых он рассуждал, размышлял, мечтал о будущем Мира Отрока, как ближайшем, так и отдаленном. Оставить это все мертвым архивным грузом было бы предательством памяти потрясающего человека, с которым нам посчастливилось встретиться – чуткого друга и мудрого наставника. Мы сделали единственное, что могли выбрать в такой ситуации – продолжили писать историю Мишки Лисовина дальше.

Да, это оказалось непросто. Трудно писать за него то, что мы сами хотели бы только читать, но бросить работу на полпути, похоронить целый мир, обмануть надежды читателей, принявших и полюбивших героев сериала, было бы еще тяжелее.

Мы закончили недописанную книгу и намерены продолжить работу дальше, потому что история Михаила Андреевича Ратникова – Мишки Лисовина и всех, кто волей Автора оказался так или иначе связан с ним, на этом не заканчивается. Евгений Сергеевич часто повторял: нельзя сохранить что-либо в покое; любая остановка – это неизбежный откат назад, то есть в конечном итоге – гибель. Он очень хотел, чтобы его Мир не просто продолжал жить, но и развивался дальше, чтобы другие люди находили в нем что-то важное для себя и становились новыми соавторами. При его помощи, с его благословения еще при его жизни начаты несколько межавторских проектов по миру Отрока, и мы надеемся со временем донести эти книги до читателей, чтобы они увидели созданный Евгением Сергеевичем Мир таким, каким он сам хотел его видеть.

Е. Кузнецова, И. Град

Декабрь 2013 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕИЗДАНИЮ

Передавая четыре года назад в издательство недописанную Евгением Сергеевичем и законченную нами книгу «Сотник. Не по чину», мы обещали читателям, что постараемся выполнить завещание творца Мира Отрока и сделать всё, чтобы созданный им мир рос и развивался. Сегодня, сдавая текст для переиздания книги в авторской серии, мы с полным правом говорим: Мир Отрока живёт и расширяется. Опубликованы две книги из начатых при жизни и с помощью Евгения Сергеевича – это «Перелом» Юрия Гамаюна и «Так не строят!» Дениса Варюшенкова. Ещё две – написаны наполовину, есть и ещё планы на будущее.

Мы же работаем над следующим «Сотником» с дальнейшими приключениями Мишки Лисовина/Михаила Ратникова, его ближников, а также новых и старых соратников и союзников. Ну, и про женскую линию тоже не забываем.

Е. Кузнецова, И. Град

30 марта 2018 г.

Часть первая

Глава 1

– Да пойми ты, дядька Егор, нет у них резона пленников убивать! Заложники – их единственная надежда хоть что-то у нас выторговать. Ну как тебе еще объяснить? Молодость свою вспомни, неужто ни разу не приходилось за пленных выкуп получать? Ведь приходилось же? Ну, так представь себя на их месте: оружные и доспешные пришли спасать пленных, а у тебя сил не хватает, чтобы отбиться, и возможности уйти нету. И что? Начнешь пленных резать? Да? А потом тебя самого… и уйдешь на тот свет с невинной кровью на совести. Там ведь и дети есть. Это тебе как? Сильно завлекательно?

Уже битый час Мишка пытался убедить Егора в своей правоте и чувствовал, что упирается в какую-то мягкую стену. Егор вроде бы и не отвергал Мишкиного предложения, но и не соглашался с ним, находя все новые и новые возражения – не то чтобы по делу, а разные вариации тезиса «что-то сомневаюсь я». Мишка еще понял бы, если бы повторялась история с дезинформацией полочан, осаждавших Пинск – тогда десятник Старшей дружины погорынского воеводы просто не находил аналогов в собственном жизненном опыте; но поверить в то, что в биографии Егора не случалось взятия или освобождения пленников, никак не мог.

Добро бы еще Егор пытался рассмотреть самые разные варианты развития событий или цеплялся к мелочам, стараясь найти слабые места предлагаемого плана и предусмотреть всякие неожиданности. Так ведь и этого не было! Десятник не то тупил, не то пытался заболтать вопрос, не доводя дела до принятия решения – поведение, совершенно для него нехарактерное!

Список странностей, несообразностей и прочих непоняток, связанных с пленением семьи князя Городненского, и без того разросся до совершенно неприличных размеров, а тут еще и Егор…

* * *

Шли уже третьи сутки, как Трофим Веселуха вывел десяток разведчиков туда, где похитители держали княжескую семью. Место оказалось каким-то несуразным: не хутор, не малая весь, а отдельно стоящий недалеко от берега реки дом. Мишке при взгляде на него вспоминались описания «длинных домов» скандинавов или построек древних славян, в которых жили одновременно все семьи одного рода. Здание очень большое по площади и очень старое, на треть, если не больше, погруженное в землю; с крышей, настолько заросшей мхом, что даже непонятно, чем она покрыта. Когда-то вокруг дома имелась ограда – не тын, а что-то другое, но по гнилым пенькам, оставшимся от врытых в землю столбов, уже невозможно понять, что именно.

На самом берегу, частью из воды, частью из песка торчали остатки свай; видимо, когда-то здесь был устроен причал. Сама речка, как говорится, доброго слова не стоила: у?же Пивени, но как раз в этом месте она разливалась широким плесом, густо заросшим камышом, из-за которого от другого берега, где и проходило главное русло, дом с воды не проглядывался.

В общем, впечатление у Мишки сложилось какое-то странно-тревожное; будь это в другом веке, он бы, пожалуй, определил это место как брошенную по каким-то причинам базу контрабандистов, но сейчас, когда никаких внятных границ между княжествами не существовало… Непонятно, одним словом.

Вообще, многое тут было непонятно, начиная с самого захвата княжеской семьи. Ну, невозможно подгадать и провести операцию почти одновременно с началом

грозы. Хорошо Егору – объявил это колдовством, и вроде как все стало ясно. Мишку это объяснение не удовлетворяло совершенно. Какие бы чудеса ни демонстрировали ему Нинея, Аристарх, Настена, за всем этим стояло лишь изощренное воздействие на психику аудитории или отдельного «пациента», а «повелевать стихиями»… Глупость, одним словом.

Получается, что использование погодных условий для захвата и прорыва вверх по течению – экспромт? И это в такой серьезной военно-политической операции? Бред! Откуда здесь взялась боевая ладья? Ждала? Но в таком случае прорыв вверх по течению – не экспромт, а действия по плану.

Вопросы, вопросы… А ответов нет. Вплоть до того, что совершенно непонятно, в чьих руках сейчас находится семейство князя Городненского – ляхов, полочан или еще кого-то?

Если похитители ляхи, то с чего они поперлись по Неману вверх? Если полочане, то почему сидят здесь, а не уходят на земли Полоцкого княжества? И почему они вообще сидят на малом притоке Немана, не так уж далеко от Городно, рискуя тем, что их обнаружат?

Все это ни в коем случае не получалось интерпретировать как набор неких случайностей. Был, был во всем происходящем какой-то смысл, какая-то причина, заставившая события развиваться именно так, а не иначе, но Мишке никак не удавалось, даже приблизительно, этот смысл уловить. Это тоже вызывало тревогу, причем нешуточную, поскольку при попытке освобождения княжеского семейства дело придется иметь с очень серьезными людьми: кому попало такие операции не поручают.

Яков и Веселуха лишь подтвердили Мишкины опасения. Аргументация разведчиков оказалась, что называется, убойной. Дом на первый взгляд выглядел совершенно необитаемым: днем никакого движения или шума. Трава вокруг дома казалась нетронутой, хотя Яков и утверждал, что ходят, но так, чтобы не натоптать; ни на полянке, ни в лесу ни малейших следов отходов, которые неизбежно накапливаются в том месте, где в течение какого-то времени проживает группа людей. Значит, все тщательно собирают и куда-то уносят. Огонь для тепла или приготовления пищи в доме разводят только по ночам; как раз по запаху дыма Веселуха на это место и вышел.

Дозоры стоят выше и ниже по течению, причем довольно далеко от дома – Яков засек дозорного еще и на противоположном берегу реки. Веселуха его не видел, но с Мишкиным урядником спорить не стал. А возле дома никого! Правда, тот же Веселуха утверждал, что в лесу и на этом берегу стерегут: слышал ночью, как проходила смена, но найти секрет не смог. То ли его местоположение менялось, то ли дозорные сидели на деревьях, а в таком случае легче самому попасться, чем их обнаружить.

Малую ладью, отбитую у городненцев, и прогулочную ладью княгини Агафьи похитители спрятали ниже по течению, причем ладью княгини вытащили на берег, а малой ладьей, видимо, пользовались для смены караула и других надобностей. Вот большую боевую ладью, о которой рассказывал Ерофей Скука, обнаружить так и не удалось, что тоже наводило на очень нехорошие мысли.

Получалось, что неизвестные пока тати, захватившие княжеское семейство, держали ладью княгини в качестве приманки (да и то неявной, ее еще найти надо); большую ладью с экипажем – в роли резерва и основной ударной силы, а «добычу» спрятали так, что даже обнаружив основной отряд, главную свою задачу спасательная экспедиция все равно не решала. Похитители же могли либо победить спасателей в открытом бою, либо заманить в засаду, как один раз уже получилось с городненцами; а если противник окажется не по силам, могли и уйти, но так, чтобы за ними гонялись вовсе не там, где находилось княжье семейство.

Веселуха обнаружил место содержания княгини с детьми лишь потому, что умел вести поиск в ночном лесу – умение, прямо сказать, редкое, да и то сначала требовалось довести себя до состояния «либо добиться своего, либо умереть».

Все это говорило только об одном: делом заправляют ребята серьезные. И считать все кажущиеся непонятки и неувязки исключительно их проколом или результатом поспешных и непродуманных действий – верх идиотизма и самонадеянности.

«Вот именно, сэр! Если противник не дурак и не дилетант – а поводов считать его таковым у вас нет, – и если его поведение непонятно, то пока вы не поймете хотя бы примерно, с чем дело имеете, извольте, как будут изящно выражаться в некоторых кругах во времена вашей будущей-прошлой жизни, прикинуться

ветошью и не отсвечивать. А то в один не особенно прекрасный момент все эти кусочки пазла сами собой в такую занятную картинку сложатся – костей не соберете.

Ну-с, сэр Майкл, и каковы будут версии? Что с того, что вы о работе спецназов да спецслужб мало знаете? Книжки детективные почитывали, фильмы посматривали… не одно же там вранье было! Нынче-то вы как раз спецназом и командуете, хотя и не высшего, мягко говоря, сорта. Так что будьте любезны соответствовать. Положение, как вы давеча изволили выразиться, обязывает. И уж если в специфике работы спецназеров не разбираетесь, так включайте управленческое мышление. Собственно, хороший командир – он управленец и есть, из этого и исходите…

Итак, что мы имеем?»

В первую очередь требовалось прекратить списывать все непонятное на взаимодействие с нечистой силой или, еще хуже, на глупость противника; забыть про «стихийную» магию или кажущуюся тупость похитителей с сидением на месте, в то время как надо рвать когти. И это, и якобы изощренный садизм в отношении малых детей, одетых, чтобы спасаться от жары, а сейчас уже сентябрь заканчивается, и по ночам холодно – все это должно объясняться иначе, состыковываться одно с другим и укладываться в целостную и логичную картину.

Значит, никакой мистики с управлением погодой. Подвернулся случай, и серьезные мужики решили им воспользоваться. То есть заранее гроза в плане не задействовалась, но прекрасно в него вписалась, причем так, что получилась полная видимость, будто без нее задуманное и невозможно… Но это касаемо самого момента похищения, а дальше? Ведь не с кондачка они все это придумали. Значит, вначале предполагали справиться и без участия «небесных сил»? Потом на ходу план поменяли, подстраиваясь под грозу, и из-за этого пошли все дальнейшие несостыковки в сценарии, рассчитанном на совсем другое развитие событий.

«Тогда, опять же с учетом профессионализма исполнителей, имеем два варианта: либо что-то пошло не так, и пришлось действовать экспромтом, либо имело место НАМЕРЕНИЕ сломать первоначальный план, и серьезные профи использовали появившуюся для этого возможность.

Второе. Долгое и вроде бы бестолковое сидение на месте, несмотря на риск. Мы с вами, сэр, уже договорились, что командир похитителей не идиот. Значит, ему НАДО сидеть!

Стоп! А если пребывание в этом доме – часть резервного плана? Вот так дело обернулось, что пришлось по каким-то причинам уходить вверх по Неману, и на этот случай была подготовлена стоянка в укромном месте… Ага! Это, кстати, объясняет и появление боевой ладьи. Помните, сэр, вы примерно о том же думали, когда анализировали налет на Пинский речной порт? Значит, правильно думали».

А если используют резервный план… Все равно, сидеть на месте, а не уходить куда подальше и побезопаснее – странно, если не сказать глупо. Разве что послали гонца и ждут указаний? Но это значит, что и резервный план пошел наперекосяк, и потребовалось согласовывать что-то с командованием… И уйти нельзя – гонец-то сюда же возвращаться должен.

А кроме того, уходить в другое место с таким «табором», как дети, мамки-няньки, которых надо кормить, устраивать в тепле.

«Опаньки! Дети! То-то вас, сэр, все время что-то цепляло! Украсть просто княгиню – одно дело. Как сказал кто-то из великих: «Для претендующих на власть риск головой – естественное обстоятельство». А вот украсть княгиню с малыми детьми… Если с ними что-нибудь случится, такого злодейства ни за что не простят!

Было, помнится, у Дмитрия Балашова в цикле «Государи московские» нечто на эту тему. На переговорах конфликтующих князей прозвучала фраза: «ВАШИ дети или ОБЩИЕ дети?» …что-то в этом роде. Балашов, надо полагать, знал, о чем пишет. Видимо, взрослые Рюриковичи могли хлестаться между собой сколько угодно, вплоть до смертоубийства, а дети, несмотря ни на что, считались общими – родовыми».

В таком случае, за гибель малолетних Рюриковичей на виновника ополчится весь род, позабыв на время внутренние противоречия. Покойный Мономах такого случая не упустил бы – любил и умел князюшка обличителем выступать, а сынок Мстислав не жиже папочки будет. Обязательно воспользуется случаем выставить полоцких князей злодеями-детоубийцами!

«А вы-то, сэр, выдумывали, как полоцких князей союзников лишить… Кхе! Да они сами подставились… Вернее, исполнители подставили их так, что никаких врагов не нужно! И неважно уже, участвуют в этом мероприятии полоцкие или просто рядом постояли – все равно по уши в этом самом…

Спокойно, сэр Майкл, спокойно… А не выдаете ли вы желаемое за действительное? Да нет, пожалуй. Вполне все может так и быть… вполне».

Если первоначально целью похитителей была одна Агафья, а исполнители пожадничали или своим умом дошли, что через детей на Всеволода можно надавить сильнее, чем через жену? Тогда тот начальник, который принял похитителей в соответствии с резервным планом, получил на свою голову такой груз ответственности, на который никак не рассчитывал. Тут уж точно без ЦУ от руководства не обойдешься, а само оно от такого геморроя на стенку полезет.

«Ну хорошо, сэр, допустим, что тут вы угадали, но все равно непонятно, почему задействовали резервный план? Да, случай подвернулся, да, использовали его удачно, да, как заметил Пастер: «Случай благоприятствует подготовленным»…

Подготовленным! Вот оно! Значит, и в самом деле резервный план готовили заранее!

Так-так-так… А если те, кто ожидал похитителей ниже по течению Немана, об этом варианте не знали? Хе-хе, сэр Майкл, извините за вульгаризм, но кого-то тут, похоже, кинули. Все вместе подготовили, организовали, а потом одна группа заговорщиков другой группе показала в форточку известную часть тела. Ну прямо как домой вернулись, а, сэр? Нет, ну не меняется род людской, хоть ты тресни! Что ЗДЕСЬ, что ТАМ. Да и в библейские времена, судя по письменным источникам, тоже с кидаловом не стеснялись. Вот тебе, бабушка, и преемственность поколений! Темпора, конечно, мутантур, а нам пофиг – ни хрена не меняемся![1 - От латинского: Tempora mutantur et nos mutamur in illis. – Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (Овидий).]

Интересно, кто кого кинул?»

В деле явно участвовали поляки и полочане, но просто так, со стороны, все разузнать и подготовить невозможно. Хотя подозревать кого-то из

приближенных князя или княгини вовсе необязательно, достаточно купить или запугать какую-нибудь «Констанцию Бонасье» или «дворецкого Бэрримора» и получай все расклады: расписание княгини, количество сопровождающих, систему охраны, маршрут, время и все прочее, что требуется для похищения.

«Ладно, со своими заговорщиками пусть городненцы сами и разбираются – не наша это задача, так что в детектива не играем, а вот в освобождение заложников из лап террористов – придется… Да не играть, а все всерьез.

О Господи, опять: ди ерсте колонне марширт, ди цвайте… и это – на всю оставшуюся жизнь! Назвался сотником, полезай… куда, собственно? Да куда угодно, в зависимости от ситуации – полезай и все! Собственно, вы уже влезли и даже устроились там со всеми удобствами. И никуда не денетесь – что ни говорите теперь, как ни крутите, а ровно с той самой минуты, как князюшка в ваших руках оказался, деваться вам некуда, так что пока наплюйте-ка на все иные расклады и приступайте к своим непосредственным обязанностям, господин сотник. Что у нас там по плану?

Нападать придется среди бела дня. Поскольку сменой караулов и хозяйственными делами они занимаются по ночам, то днем вполне могут быть сонными или вообще дрыхнуть. Нападение перед рассветом – это для приключенческих романов. Во-первых, часовые, если они профессионалы, а не салаги-срочники, в это время бдительности не теряют. Во-вторых, роса – скользко, трава к обуви липнет, и нашуметь можно запросто. В-третьих, все лесные шумы в это время как раз «выключены», так что любое шевеление тотчас порождает сакраментальный вопрос: «Кому не спится в ночь глухую?»

Далее… убрать дозорных в лесу. Легко сказать. Приучили киношники, понимаешь, к тому, что часовой прямо-таки мальчик для битья – подходи и режь. Жизнь не кино: хороший, правильно несущий службу часовой, да еще по уму поставленный, не такая уж и легкая добыча. Как же это устроить-то? Ладно, подумаем еще, с Егором посоветуемся.

Потом надо как-то народ выманить на открытое место, под наши выстрелы. Ну, с этим относительно проще, слава богу, в учебной усадьбе отрабатывали. Алексей, помнится, удивлялся, зачем нам освобождению пленников обучаться, но потом согласился, что лишним не будет.

Теперь прикинем распределение сил. Десяток Якова занимается дозорными в лесу. Опричники – домом и заложниками. Остальные – в готовности к отражению подмоги.

Дозорного на противоположном берегу отловить, скорее всего, не удастся, даже и пробовать не стоит. Значит, весть подаст. Яков и Веселуха уверяют, что ниже по течению основных сил с боевой ладьей нет. Мало ли, что они уверяют! С какой стороны придет подмога, по суше или по воде, наверняка мы знать не можем. Значит, основную свою ударную силу держим здесь, у дома, и, разумеется, скрытно.

Блин, а кто князя-то с городненцами охранять останется? Эх, сколько ребят под Пинском потеряли! Уходило из Михайлова городка сто десять отроков, а сейчас осталось чуть больше шести десятков. Почти та самая половина! Значит, придется урезать группы… блин, тришкин кафтан. Якову оставляем шестерых. Опричники все здесь нужны, а охранять пленных тогда остаются полтора десятка.

Кого поставить над ними старшим? Опять Роську? Обидится – в пинский порт не взяли, теперь тоже. Демьяна? Объясним, что князь слишком ценная добыча, кому попало не доверишь. Уговорим, в общем. Хорошо бы еще кого-то из взрослых оставить, чтобы пацаны не лопухнулись. Хотя там же Илья, его на кривой козе хрен объедешь. И Антоху там же оставлю, «для массовости». Тоже обидится, но вот уж на фиг! Нечего ему здесь делать – еще полезет начальство грудью защищать».

Вот этот-то план Мишка и обкатывал с Егором, потихонечку сатанея от того, что десятник вроде бы и не приводил серьезных аргументов «против», но ни в какую не соглашался, постоянно демонстрируя какие-то смутные сомнения. Подмоги он почему-то не опасался, а сомневался в главной фазе операции, озвучивая самые мрачные варианты развития событий. То «перебьют всех заложников», то «затворятся в доме и будут заложников по кускам выкидывать, пока не отпустим», то «да не знаем мы, что там внутри, дом-то здоровенный», и прочее в том же духе.

Мишкину мольбу «просто поверить», как это было с фальшивой грамотой для пинчан, Егор тоже отмел:

– Там, если бы и не получилось, то особого вреда не случилось бы, а здесь, если у тебя сорвется, так даже и думать неохота, что выйдет.

– Да уразумей ты, дядька Егор: если это для тебя непонятно и удивительно, то и для них так же будет. Удивить – значит победить!

– Все равно! – Егор набычился, словно собирался бодаться. – Не можем мы знать наверняка, как они себя поведут. Удивятся или там не удивятся… а вот возьмут и… Тьфу, чтоб тебя! Говорил я это уже, а тебе что об стенку горох.

– Ну, хорошо, – Мишка предпринял последнюю попытку уговорить десятника. – А что бы ты сам в таком разе делал?

– Да не обещал бы того, чего сделать не могу! – перешел десятник на повышенный тон. – Ты со мной мог переговорить, перед тем, как к князю переться? Совсем уж завеличался? Думаешь, если у тебя все задуманное раньше получалось, так и дальше пойдет? – Мишке показалось, что Егор сейчас схватит его за грудки и как следует тряхнет. – А хрена не хочешь? Вот от такого величания люди и гибнут! И не только сами – своих ратников без толку кладут! За теми, кто недавно десятником стал, пригляд нужен даже больше, чем за новиками, а ты… – Егор вместо ожидаемой ругательной вставки хватанул ртом воздух, словно задыхался. – Боярич, в сотники заскочил… Скольких отроков уже угробили? Не наука тебе? Драть тебя кувыркать, вдоль и поперек, рожном, оглоблей, коромыслом и прялкой бабьей, во все дыры…

Егора, что называется, понесло, причем серьезно: в обычной ратнинской ругательной тираде начали проскакивать морские термины, какие-то непонятные Мишке слова, и даже прорезался псковский говор.

«О, как его накрыло! Похоже, пиратская молодость наружу лезет».

Постепенно в речи бывшего «джентльмена удачи» начали появляться и осмысленные словосочетания: «что я Корнею скажу?», «детей малых угробишь, недоносок», «что возомнил о себе?».

Мишка прямо-таки физически почувствовал, как откуда-то изнутри поднимается бешенство, со скрежетом зубовным задавил его в себе (а так хотелось выпустить наружу!) и заорал в ответ:

– Да пошел ты! Не хочешь – обойдемся, сиди, пленных охраняй! Зассал, морской волк – грудь в волосах, жопа в ракушках? Так и говори!

– Что-о-о?! Да я тебя…

Мишка кувырком назад перешел из сидячего положения в стойку, уходя от протянутой к нему руки Егора.

– Антоха! Опричникам – к бою! Поручикам – всем сюда! Только шевельнись, козлодуй! – последние слова Мишка, угрожающе покачивая кистенем, адресовал начавшему подниматься на ноги Егору. – Не успеешь…

– Михай… – неизвестно откуда появившийся Арсений осекся, уставившись на направленный ему в грудь самострел Антона.

Егор легко, словно играючись, ушел в перекат, разрывая дистанцию, но чей-то кнут захлестнул ему руку, дернул, а Роськин ломающийся голос предупредил:

– Не убью, но обезножишь!

И все! Подступающее бешенство вдруг сменилось холодной решимостью, пронзительной ясностью и легкостью, как тогда, рядом с Аристархом, у дома Нинеи. Мишка единым взглядом охватил все: Антона, готового нажать на спуск, Арсения с растерянным (вот удивительно!) лицом, Роську, целящегося из самострела в ноги Егору, стоящего рядом с Роськой Дмитрия с кнутом в руке, набегающих опричников, которым Дмитрий жестом давал команду на окружение… Даже солнечные блики на оружии, паутинку на ветке куста, какие-то травинки, прилипшие к сапогу Дмитрия.

Понял, что отроки уже давно слышали разговор на повышенных тонах и готовы исполнить любой приказ. Ощутил свою правоту: надо действовать именно так, и никак иначе. И услышал голос!

Даже не сразу понял, что говорит сам. Не было такого голоса ни у Мишки Лисовина, ни у Михаила Ратникова – кажется и негромко, но слышат все, кажется, и не приказываешь, но не подчиниться невозможно:

– Я, сотник Лисовин, боярской волей беру все на себя! Будет так, как сказал я! Несогласные – прочь! Противящиеся – да умрут!

Егор попытался выдернуть кнут из руки Дмитрия, Арсений пробормотал что-то про «белены объелся», но отроки шевельнули самострелами… Ох, как они ими шевельнули! Мишке только бровью повести, и не станет ни Егора, ни Арсения, ни прочих.

Казалось бы, ну сколько может продолжаться эта немая сцена? Сколько можно вот так стоять в напряжении? Однако Мишка нисколько не сомневался: сколько нужно, столько и простоят; а нужно столько, чтобы Егор… нет, не сломался бы – такого, как он, хрен сломаешь – но понял и признал бы: командир может быть только один, но здесь и сейчас командир не он. Уверенность в том, что это получится, была полнейшая, прямо-таки железобетонная, но…

Разрешил все Савелий Молчун, от которого сутками можно было не услышать ни единого слова. С лицом, имеющим, кажется, только два выражения – мрачное и никакое, во всех обстоятельствах он вел себя так, будто в любой момент может повернуться и уйти; и выражался, если все же приходилось говорить, предельно коротко и, как правило, либо ругательно, либо просто негативно.

Вот этот самый Савелий и вышел из-за спин опричников. Неспешным шагом (если бы не разбитые Веселухой губы, то, наверное, еще и посвистывал бы) продефилировал между отроками, пробурчав в сторону направленных на него самострелов что-то вроде «не балуй», вышел в центр образованного опричниками круга, окинул мизансцену почти равнодушным взглядом, повернулся к Егору и, слегка пожимая плечами, будто признавая очевидное и неизбежное, констатировал:

– Лисовин…

– Ага, вот и я говорю… – подхватил Арсений и хотя не продолжил фразу, но напряжение разом спало. Егор, расслабившись, принялся сматывать с руки конец кнута, Дмитрий, не сопротивляясь, ослабил натяжение, Роська убрал пальцы со спуска самострела, опричники с заметным облегчением начали переминаться с ноги на ногу…

«Во дает мужик! Одним словом! Вот тебе и молчун. А Арсений-то проговорился: обсуждали они вас, сэр, между собой, и не раз обсуждали. Эх, послушать бы те разговоры…»

Савелий, все так же неспешно, даже как-то скучающе, развернулся к Мишке и сделал приглашающий жест ладонью, мол «приказывай, сотник». Мишка, с трудом удержавшись от благодарственного кивка, заговорил приказным тоном (но НЕ ТОТ уже был голос, увы, не тот):

– Слушай приказ! Охранять пленных остается поручик Демьян…

Мишка выдавал чеканные фразы, а сам краем уха улавливал доносящееся из-за спины: «А чего же они тогда…» – сдержанный рык Фаддея Чумы и «Д-д-да обожди т-ты…», вымучиваемое Дормидонтом Заикой. Ратники Егора тоже были готовы. Вот только к чему?

Первый пункт Мишкиного плана не реализовался: разведчики Якова дозорных в лесу не нашли. То ли их и не было, что маловероятно, то ли хорошо спрятались и не решились себя обнаруживать, что неприятно, ибо придется внимательно следить за тылом. Выслушав присланного от Якова отрока, Мишка поколебался, но решил ничего не менять – не так уж много могло быть в дозоре людей.

– Передай уряднику Якову: выдвинуться с разведчиками к дому, но из леса не выходить. Укрыться и смотреть в оба, чтобы нам в спину не ударили.

– Слушаюсь, господин сотник!

Мишка с нарочитой неторопливостью подошел к нервно перебирающему ногами Зверю, поднялся в седло и недовольным тоном пробурчал:

– Чего в кучу сбились? Урядники, разделить десятки! Дмитрий, Артемий, куда смотрите?

Можно было бы и не ворчать, но мальчишек следовало остудить: они так и рвались вперед.

Дождавшись отчетливого разделения опричников на две группы, Мишка удовлетворенно кивнул и скомандовал:

– Неспешно… Дмитрий, своих придерживай. За мной, вперед!

На опушке леса их встретил отрок из десятка разведчиков.

– Ну что там? – нетерпеливо спросил Мишка.

– Все тихо, господин сотник.

– Первый десяток, щиты на руку! – Мишке захотелось еще раз повторить все, что говорилось на инструктаже, но он сдержался. – Артемий, в доме лучники могут быть, поосторожней там. Командуй давай.

– Второй десяток! – Артемий приподнялся на стременах. – Стрелять с седла… Товсь! За мной, галопом… Вперед!

Скакать от опушки до дома – всего ничего. Отроки спешились, прижались к стенам, двое принялись собирать поводья коней, чтобы отвести их в сторону. В доме пока никакого шевеления не обозначилось, хотя не слышать конского топота там не могли.

– Знак десятнику Егору! – не отрывая глаз от опричников Артемия, скомандовал Мишка.

Снова конский топот, но теперь уже более внушительный: основные силы Младшей стражи выдвинулись к опушке леса так, чтобы отразить нападение с любой стороны.

Егора после признания за Мишкой права командовать как подменили. Десятник, будто почувствовав облегчение от того, что скинул с себя ответственность за всю операцию, сомнениями больше не мучился, а толково и конструктивно включился в обсуждение деталей предложенного плана. И сейчас именно он со своим десятком возглавлял «группу прикрытия». Теперь ненайденных дозорных можно не опасаться: с такой силой связываться не станут, предпочтут отсидеться или смыться по-тихому.

Отроки второго десятка подсадили двоих товарищей на крышу. Ничего сложного – край низкий, рукой достать. Вот провалиться внутрь можно запросто, однако ребята действовали точно по инструкции: распластались, словно на тонком льду, и только убедившись, что держатся прочно, принялись прорубать дыры в заросшем мхом покрытии.

«Вот сейчас переполох в доме поднялся! Снаружи копыта стучат, крышу ломают, и не понять ничего – кто, что, откуда? Волоковое окошко низко, стрелять неудобно, да и не в кого, ребята не подставляются. Остается дверь. Ну-ну…»

– Господин сотник, с того берега знак подали!

Мишка обернулся. Над противоположным берегом косо уходила в небо стрела, оставляя за собой дымный хвост.

«Быстро дозорный среагировал. У него что же, огонь заранее разведен? Выстрелил вверх по течению, значит, основные силы укрыты там, оттуда и надо ждать нападения… Ничего, Егор это тоже видит, сам сообразит, а для нас сейчас главное – дом».

Артемий подобрался к двери. Собственно, самой двери и не было – то ли сгнила, то ли вышибли когда-то, и вход в дом завесили какой-то шкурой. Она шевельнулась, и Артемий тут же выстрелил сквозь нее. Попал или не попал, непонятно, но больше выйти никто не пытался.

Дыры в крыше прорубили, и из обеих тут же вылетело по стреле, но бесполезно – отроки на фоне неба не маячили. Снизу им передали туески с дымовухой.

«Ну, Кузькина «химия» в дело пошла».

Туески полетели в прорубленные отверстия и, одновременно, в волоковое окошко. С того места, где находился Мишка, он не видел, но и в окошко, находящееся с противоположной стороны дома, тоже должна была залететь такая же «дымовая шашка». Ее, правда, почти сразу выкинули наружу, но один из отроков тут же выстрелил внутрь дома.

– Куда? Там же дети! – шепотом выкрикнул Дмитрий.

– Спокойно, Мить, стреляет, значит, видит, куда. Стоим, ждем. Артюха свое дело знает.

Выброшенную из дома дымовуху снова закинули внутрь, и один из отроков закрыл окошко своим щитом, подперев его плечом. Отверстия, пробитые в крыше, тоже накрыли щитами.

«Ну, вот так, значит. Сразу дымовухи они не загасят, так что там у них сейчас темно, смрадно, детишки пищат, бабы верещат… Нет, правильно, что известь добавлять не стали – совсем уж травить людей не требуется. Вылезете, никуда не денетесь, это вам не больница в Буденновске…»

Мишка обернулся к отрокам, зафиксировал взглядом каждого. Напряженные позы, руки, вцепившиеся в поводья и оружие… Лиц под бармицами не видно, но наверняка каждый – как натянутая струна.

– А ну, спокойнее! Пальцы расслабить, а то сейчас сок из самострелов выдавите. Спины, шеи, дыхание… Забыли, чему учены? Глядите, ребята все верно делают, вот и нам так же надлежит. Ты! Чего коня зря дергаешь? Ты! Как самострел держишь? Ну-ка, всем негромко, но отчетливо прочесть «Отче наш»!

Отроки невнятно забубнили под бармицами, и Мишка вновь обернулся к дому. В окно и отверстия в крыше полетела еще одна партия дымовух. Изнутри донесся шум, но вместо ожидаемого плача детей и женских голосов раздались мужские крики. Кто-то невидимый сорвал шкуру, закрывающую дверной проем, и оттуда потянуло дымом. День выдался пасмурный и тихий, но в этот момент пахнул легкий ветерок. Дым вдруг всосало в дверь и выдуло из-под застрехи крыши.

«Ну да, дом-то по-черному топится… Нет, не задохнутся, но вылезать наружу придется… или на полу улягутся? И будут лежать – ждать подмоги? Не хотелось бы ребят внутрь посылать, там у входа наверняка затаились… Сейчас все решится – либо один сценарий, либо второй… Есть! Получилось!»

В дверном проеме показалась женщина… не одна – позади нее виднелся мужчина, одной рукой удерживающий пленницу поперек туловища, а другой приставивший ей к горлу нож.

– Оружие наземь! Бросай, я сказал!

«Голос уверенный, без истерики… тем лучше. Ну, Артюша, не подведи, ты же у нас артист…»

– Исполнять! – распоряжение Артемия прозвучало вовсе не как команда, а как крик испуганного и растерянного мальчишки.

Отроки еще попятились, кто-то опустил самострел, кто-то нет.

– Наземь, сказано! Зарежу княгиню!

– Бросайте! – с натуральной слезой в голосе возопил Артемий. Мишка поморщился – не переигрывает ли? Ладно, на испуг спишут – пацан же.

Отроки наконец повиновались. В точности так, как это делалось на занятиях в учебной усадьбе: болты остались наложенными на стволы, самострелы легли на землю аккуратно, так, чтобы либо подхватить и тут же выстрелить, либо самому упасть и стрелять лежа с последующим перекатом в сторону.

– Отойти назад. Дальше!.. Еще дальше!

«Опытный, сволочь, соображает…»

Террорист (а Мишка про себя назвал похитителей именно террористами) вытолкал пленницу наружу, и сразу же в дверном проеме появился следующий, точно так же прикрываясь женщиной с приставленным к горлу ножом, потом третий, с ребенком на руках.

Все это настолько напоминало многократно виденное в кино ТАМ, что Мишка чуть глаза не протер, но тут же разозлился на себя – а что удивительного? ТЕ приемы и ухватки не на пустом месте, надо думать, родились.

«Ну, падлы… мертвым позавидуете! Я вам устрою…»

Всего террористов оказалось шестеро, у каждого по заложнику – двое женщин и четверо детей разного возраста. Вслед последнему из дома с криком кинулась еще какая-то женщина, но он ударом ноги зашвырнул ее обратно.

С трудом заставляя себя говорить спокойно, не повышая голоса, Мишка обратился к отрокам первого десятка:

– Ну? Все всё помнят? Если сделаем правильно, то и княжью семью спасем, и сами целы останемся. Митя, медленно, шагом, подъезжаем, расходясь и выбирая цели…

– Да знаю я, Минь…

– Ты-то знаешь. За ребятами присматривай, мне сейчас не до того будет.

– Сделаем… Слушай мою команду… Медленно, без резких движений… С Богом! За мной.

Зверь, повинуясь всаднику, выходил прямо на главаря, шедшего первым. Тот еще издали закричал:

– Стоять! Зарежу княгиню!

Мишка не реагировал, неспешно ехал дальше, краем глаза отслеживая действия отроков. Пока все шло, как надо.

Главарь еще пару раз выкрикнул угрозы, но Мишка остановил Зверя, когда между ними осталось меньше десятка шагов.

– Я убью ее! – в очередной раз проорал террорист.

– А я тебя, – как можно бесстрастнее отозвался Мишка и угрожающе повел самострелом.

– Это княгиня! – не унимался главарь. – С вас за нее спросят…

– Не спросят. Мы не здешние. Режь и готовься…

«Вот так. Тебе ж не княгиню грохнуть надо, а самому выжить хочется. Аллах акбар, ты, надо понимать, тоже кричать не будешь, и вообще к такому повороту

событий не готов».

– Все равно!.. Ответишь! – в голосе главаря поубавилось уверенности.

– Ну, хорошо. Чего ты хочешь?

Мишка демонстративно положил самострел поперек седла, вроде бы отводя его от террориста, находящегося прямо перед ним, а на самом деле направляя оружие на другого, который прикрывался девочкой лет двенадцати. Отроки, один за другим, повторили это движение. Под неявным прицелом оказались все шестеро, но ЗДЕСЬ таких фокусов знать не могли – и к самострелам непривычны, и по телевизору всяких выкрутасов не насмотрелись.

– Пропустите нас к ладье и дайте уйти! – выдвинул условие главарь. – И все будут целы.

– И где ж твоя ладья? – Мишка сам удивился тому, как миролюбиво звучит его голос. – Куда пропускать-то?

– Ладья сейчас будет. Мы идем к берегу, и не дай Бог, кто-то из вас нам в спину выстрелить попробует…

– Много хочешь. Ц-ц-ц… – Мишка поцокал языком, словно возмущаясь наглости главаря, но на самом деле подавая сигнал. Зверь, услышав цоканье, замер неподвижно: хозяин собирается стрелять, и до щелчка тетивы шевелиться нельзя. Отроки тоже зацокали языками, а от дома раздался голос:

– Господин сотник, мы здесь!

Главарь, в отличие от своих подельников, на голос не обернулся – опытный и нервы крепкие, но на это особо и не рассчитывали. Щелчки выстрелов почти слились в один звук. Тот, в кого целился Мишка, получил болт в локтевой сгиб руки, державшей оружие, выронил нож и начал оседать на подгибающихся ногах, цепляясь за пленницу; видимо, болевой шок от перебитого болтом локтевого сустава лишил его сознания. Опричники не подвели: по болту, а то и по два получили все шестеро террористов. Кто-то упал, кто-то схватился за искалеченную руку, двое или трое орали от боли.

К княгине кинулся Дмитрий, а Мишка послал Зверя к девчонке (княжне?), которая, кажется, собралась падать вместе с цепляющимся за нее молодым парнем. Картинно взмахнув мечом («шоу маст гоу он» – а вдруг и вправду княжна?), Мишка ударил террориста плашмя по голове (не дай бог княжну кровью забрызгать), лихо соскочил с коня и попытался подхватить девицу на руки. Не получилось – левая рука, хоть и зажила вроде, а тут подвела. Чувствуя, что вот-вот выронит девчонку, он опустился в «рыцарскую» позу и усадил ее на выставленное колено.

«Вот черт, чуть всю романтику не изгадил! Витязь в сверкающих доспехах поражает злодея, берет княжну на руки и… роняет задницей на землю. Шарман!.. Хорош стебаться, сэр, дел полно! Витязь, блин…»

Мишка торопливо обвел взглядом происходящее перед домом. Одни отроки оглядывались, настороженно поводя по сторонам взведенными самострелами, другие вязали раненых террористов. Впрочем, на периферии зрения мелькнула рука с кистенем, значит, не только вязали, но и добивали. Дмитрий помогал подняться с земли княгине, в дом никто не заходил, а ведь Артемий со вторым десятком обязан был его зачистить; возле стены происходила какая-то непонятная суета. Явно требовалось командирское вмешательство, а тут «то ли княжна, то ли нет» якорем повисла, не желая выбираться из обморока.

Легкое похлопывание ладонью по щекам должного воздействия не возымело, и Мишка, воздержавшись от применения более радикальных средств, потащил девицу к стене дома, чтобы пристроить ее на завалинке. Не дотащил совсем чуть-чуть: из двери с нечленораздельными воплями выскочили две женщины и кинулись к перепуганным, вопящим во все горло княжатам, а следом за ними выскользнул какой-то типчик весьма растрепанного вида, безоружный, и дернул вдоль стены, явно намереваясь скрыться за углом.

Мишка со своей ношей оказался у него на пути и прямо-таки всей кожей почувствовал, что если кто-то из отроков вздумает стрелять в беглеца, то может запросто грохнуть своего сотника, оказавшегося на линии выстрела. Надо было что-то срочно делать. Бросить девицу и выпустить на волю кистень Мишка никак не успевал, меч валялся в стороне, а типчик, оглядываясь назад, сам того не замечая, пер прямо на них с девицей.

Пришлось импровизировать, благо боевая рукавица, сброшенная с руки (ну не хлестать же ею девчонку по щекам) так и лежала на коленях у девицы – каким-

то чудом не свалилась, пока тащил. Ее-то Мишка и запустил в голову типчика. Получилось удачно: иногда бегущего человека достаточно лишь слегка толкнуть, чтобы тот потерял равновесие, а тут сильно брошенная увесистая рукавица ударила в лицо тыльной, прикрытой кольчугой, стороной – у типчика подвернулась нога, тело повело в сторону, и он с маху влип в стену дома. И тут же, словно обрадовавшись представившейся возможности, в него ударили сразу четыре болта. На Мишку плеснуло кровью, и даже, кажется, ошметками мозга (вот и старайся девицу не забрызгать), «княжна, или как там ее» вдруг очнулась, ломая ногти, вцепилась в Мишкину кольчугу и тоже завопила.

«Да мать же вашу всех… Филиал хора Пятницкого в сумасшедшем доме! Оглохнуть можно!»

Мишка попытался встать, но девица вцепилась как бульдог и не отпускала; кинул с надеждой взгляд на Дмитрия, но тому, похоже, приходилось ничуть не легче, чем его сотнику. Старшина Младшей стражи беспомощно топтался возле княгини, которая все никак не могла отнять своего самого младшего ребенка у «террориста». Раненый тать сидел на земле, похоже, в полубессознательном состоянии, и не падал на спину только потому, что княгиня Агафья тянула на себя ребенка, которого тать крепко прижимал к груди левой рукой. Дмитрий, никогда не терявшийся в бою, сейчас сам на себя не походил: сунулся помогать, но вместо благодарности получил от княгини удар локтем, сопровожденный еще и каким-то ругательным восклицанием. Отшатнулся, растерянно переступил с ноги на ногу и снова полез помогать.

Агафья, отчаявшись отнять свое дитя у злодея, позволила тому упасть на спину, а потом, с громогласным «Пся крев!!!», врезала ногой по голове, словно футболист, пробивающий пенальти. «Террорист» сразу же расслабился, если вообще не помер, и княгиня, наконец, подхватила орущего ребенка на руки.

«Мне показалось, сэр, или ее светлость действительно ругнулась по-польски? Дурдом, ей-богу! Еще и эти разбегались…»

Выскочившие из дома женщины (не иначе, няньки княжьих отпрысков) ринулись к освобожденным из рук «террористов» детям. Но если младший мальчик сам потянулся к ним навстречу, то старший, извернувшись, побежал к матери. Кто-то из отроков попытался перехватить его, но пацан и тут сумел вывернуться. И при этом продолжал вопить, словно в штыковую атаку шел!

Молодая баба, которую «террористы» вывели из дома следом за княгиней, вдруг пала на колени, и ее начало мучительно тошнить прямо на сапоги одного из отроков. Тот испуганно шарахнулся в сторону, а потом заскочил сбоку и ухватил за плечи, стараясь поднять страдалицу на ноги. Женщина, сотрясаемая приступами рвоты, лишь мотала головой и вяло отмахивалась от растерянного помощника.

«Токсикоз… Наверное, та самая беременная Соломония. Как бы с ней чего на нервной почве…»

Крики, суета, бестолковщина… И отроки, похоже, совсем растерялись, не хуже Дмитрия.

«Мальчишки! Нет, надо же – в бою воины, а тут бабы их своим визгом… Или именно то, что княгиню узрели, так их всех из колеи выбило? Нет, натаскивать их еще и натаскивать».

У Мишки аж челюсти свело от желания взять в руки что-нибудь длинномерное, вроде весла или оглобли, да единым махом навести порядок. Ощущая себя штангистом на помосте (мало полуторапудового доспеха, так еще и девица повисла – не отдерешь), Мишка крякнул, поднялся на ноги, выпрямился и заорал, стараясь перекрыть гвалт, уместный больше на коммунальной кухне или в женской бане, нежели на поле боя:

– А ну!!! Всем молча-а…

Какой позор! Подростковые голосовые связки устроили своему хозяину гнусную подлянку, и господин сотник «дал петуха», сорвавшись чуть ли не на дискант. Тут же захотелось кого-нибудь убить или застрелиться самому, спасибо, урядники выручили – мгновенно отрепетовали команду, да столь дружно и грозно, что даже один дитенок заткнулся, не говоря уже о взрослых.

Возникшей паузой раньше Мишки воспользовалась княгиня – обернувшись к все еще топчущемуся около нее Дмитрию, она рявкнула прямо-таки фельдфебельским тоном:

– А вы кто такие?!

Старшина Младшей стражи вместо ответа зачем-то принялся стягивать с головы шлем, а Мишка, с какой-то отстраненной безнадежностью, ощутил, что всеобщее сумасшествие продолжает усугубляться: вопрос княгиня задала по-польски.

– Т-туровские мы, матушка княгиня… – пробормотал Дмитрий, избавившись от шлема[2 - В те времена все славяне вполне понимали друг друга без переводчика – диалекты разных племен еще не разошлись так далеко, как сейчас.].

– Так вас Вячеслав прислал? – продолжила допрос Агафья.

– Н-нет… мы сами…

– Слушай мою команду! – осторожно подал голос Мишка. Получилось сипловато и неубедительно. – Поручик Артемий!

– Здесь, господин сотник!

– Проверить дом!

– Слушаюсь господин сотник!

– Старшина Дмит…

– Пан Лис!!! – неожиданно взвыла повисшая на Мишке девица. – Там раненые в доме!!! Не вели убива-а-ать!!!

«Какие еще раненые? Стоп! Она сказала «пан Лис? Да что ж тут творится-то?»

Это было последней каплей, Мишку наконец прорвало:

– Митька!!! В бога, душу, гроб, мать ети… Пр-рекратить бардак!!! Баб убр-рать!!! Детей с ними… куда хочешь…

– Слушаюсь, господин сотник!!! – Дмитрий отозвался даже не с облегчением, а прямо-таки с ликованием – наконец-то есть четкая команда и понятно, что нужно делать. – Козлодуи! Совсем службу забыли? Ослы иерихонские!!! Я вас сейчас за тайные места потрогаю! Так потрогаю!.. – Митька не командовал – пел, самозабвенно и восторженно. – Урядник Андрей!

– Здесь, господин старшина!

– Первая пятерка, вязать татей! Второй пятерке… повязанных татей стаскивать вон туда, а убитых туда! После проверки дома всех баб и детей внутрь!

– Слушаюсь, господин старшина!

– Урядник Яков! – подхватил почти таким же тоном Мишка. – Где этот гребаный Яшка? Ко мне, немедленно!

– Здесь я, господин сотник!

– Одного человека на дерево, следить за рекой! – Мишка легко, не задумываясь, смахнул с себя «то ли княжну, то ли не княжну» (няньки на девицу даже не оглянулись), да и какая, к хренам, куртуазность в этом бедламе?

– Так уже, господин сотник. Сидят двое, смотрят.

– Лекаря Матвея сюда! Где он пропадает, так его растак?! Сам за лесом не забывай следить, их дозорные где-то там схоронились!

– Слушаюсь, господин сотник!

Ох, как сразу полегчало на душе! Общее движение перед домом приобрело некую целенаправленность и даже упорядоченность, команды урядников легко забили детские писки и женские… всякие звуки, все стало понятно и предсказуемо. Мишка впервые в жизни, как говорится «всем нутром», ощутил, сколь милее мужскому сердцу четкий воинский порядок по сравнению со штатской бестолковостью. Просто праздник какой-то!

Увы, праздник оказался недолог. По правде сказать, так и вовсе до обидного краток. Длился он ровно столько времени, сколько понадобилось княгине Агафье подозвать к себе одну из нянек, сдать ей с рук на руки младшего ребенка, отцепить от подола и передать под надзор той же няньке старшего, упереть руки в бока, обвести окружающих грозным взглядом и…

И началось! Младшая дружина погорынского войска во главе с сотником, старшиной и урядниками узнала о себе много нового, совершенно неожиданного и, отчасти, даже парадоксального. И то, что распоследние дураки чуть не перестреляли детей, и то, что князь Вячеслав не придумал ничего лучше, как прислать каких-то сопляков безмозглых, и что «не хрен было ляхами притворяться, коли вы туровские» (Мишка от такого чуть не сел), и то, что всем «спасителям драным» надо уши оборвать и задницы перепороть… Много, в общем, всякого.

Матушку княгиню несло, как, впрочем, и любую бабу, разряжающую напряжение пережитого ужаса на окружающих. Будь она послабее характером, сидела бы сейчас на земле, умываясь слезами или в полном отупении, неспособная подняться на разом ослабевшие ноги. Но Агафья, надо понимать, не из слабых – Мономахова кровь. Голос ее наверняка слышали аж на другом берегу реки, а проскальзывавшие в нем визгливо-истеричные ноты вполне компенсировались гармонично включаемыми в монолог вставками «непереводимой игры слов с использованием местных идиоматических выражений». Покрутилась, видать, Агафьюшка в юные годы возле конюшен и дружинной избы.

Как-то так складывалась у княгини логика выступления, что не воины ее из полона спасли, а дрянные мальчишки, не спросившись у мамки, усвистали гулять, стырили где-то оружие, да и набезобразничали так, что в приличной семье их за такое не только розгами поучили бы, а и всем, что под руку подвернулось.

Вокруг Агафьи очень быстро образовалось пустое пространство: отроки явно боялись приближаться к грозной бабе, и княгиня, не прерывая монолога, принялась оглядываться, похоже, выбирая персональный объект атаки. То ли для того, чтобы избавить ребят от ее наезда, то ли желая смыться подальше от девицы, снова заскулившей «Пан Лис…» и норовящей ухватиться за своего спасителя (он и сам не понял), Мишка двинулся к Агафье.

Простейшим, но действенным средством для женщин, пребывающих в таком состоянии, является добротная оплеуха. Потом можно дать чего-нибудь попить – кому-то хватает обычной воды, а кому-то требуется и чего-то покрепче. Лупить княгиню на глазах у всех было нельзя, «чего-то покрепче» тоже под рукой не имелось, и Мишка пошел другим путем. Подскочил сзади и, якобы стараясь заботливо подхватить княгинюшку под локоток, быстро, коротко и почти незаметно для окружающих ударил разошедшуюся бабу под коленки. Агафья, уже перешедшая к риторическим вопросам типа: «кто здесь старший?», «да есть ли тут хоть один зрелый муж?» и вообще, «вы о чем думали, недоноски?» – от неожиданности ахнула и, прервавшись на полуслове, села на пятки. Мишка нагнулся над ней, словно желая помочь, одной рукой придавил, не давая подняться, а локтем другой, очень постаравшись, чтобы со стороны никто ничего не разглядел, двинул по затылку.

Княгиня заткнулась окончательно, даже, кажется, лязгнула зубами, а Мишка, склонившись к ее уху, прошипел не то, что ХОТЕЛОСЬ сказать, а то, что НАДО:

– Невместно княгине, как простой бабе! Отроки впервые княгиню близко видят, что подумают?

– А-а… А? – невразумительно, но именно в той тональности, что и требовалось, отозвалась Агафья.

«Ага, подействовало! Вечное бабье проклятие: «как я выгляжу и что обо мне подумают?» Ну а теперь «добивающий в голову».

– Боярыне Соломонии дурно, как бы не опросталась… негоже на глазах у мальчишек!

– А? – во второй раз это «А?» прозвучало уже вполне осмысленно.

Мишка, кивком подозвав на помощь ближайшего отрока, подхватил княгиню, утвердил на ногах и развернул в сторону стоящей на четвереньках Соломонии. Агафья почти сразу зафиксировала взглядом свою боярыню, повела плечами, чтобы избавиться от поддерживающих рук, и поспешно шагнула к ней.

– Соломушка…

«О, как! Соломушка. Видать, не просто сенная боярыня, а в ближницах ходит, если не в подружках».

Княгиня попыталась помочь боярыне подняться, не смогла и снова заорала, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Да помогите же кто-нибудь, обалдуи!

Мишка знаком подозвал двух ближайших отроков, а Агафья уже орала на одну из нянек:

– Иди в дом! Приготовь там… – обернулась к быстро и надежно осточертевшей Мишке девице и добавила: – А ты чего расселась? Помоги ей!

Нянька торопливо сунулась к двери, но вдруг взвизгнула и шарахнулась в сторону, едва не сбив с ног субтильную «то ли княжну». Из дома, сопя и отдуваясь, отроки второго десятка выносили окровавленный труп со вспоротым животом.

«Вот и верь после этого рыцарским романам… Кровь, грязь, бабьи истерики, сопливые детишки, бардак, слезы, трупы, на сапоги наблевали… Романтика, туды ее в лютни, арфы и прочий бардовский инструмент… А когда это мы, позвольте полюбопытствовать, сэр, ляхами притворялись?»

– Митька!!! – Мишка не сразу нашел глазами старшину, и пришлось орать.

– Здесь я! – Дмитрий обнаружился почему-то за спиной.

– Давай, быстренько всех в дом! Слыхал, этот говорил, ладья сейчас подойдет, значит, подмога недалеко.

– Так там Артюха еще не закончил.

– Плевать! Раз убитых выносят, значит, опасности уже нет. Давай-давай, быстро! Бабу эту тащите, сама идти не может, нянек с детьми гоните, не жалейте!

С дерева, на котором укрылся следящий за рекой разведчик, раздался свист.

– Бегом, мать вашу всех, в титьки, в пятки… – Мишка уже не кричал, а хрипел сорванными связками. – Сейчас тут стрелы полетят, быстрее!!!

Быстрее не получилось: понукаемые отроками женщины столкнулись в дверях с ребятами Артемия, вытаскивающими из дома еще один труп. Покойника, естественно, уронили на пороге, нянька с ребенком на руках наступить ногой на убитого не решилась, остальные уперлись ей в спину, детишки с бабами снова принялись драть глотки. Классическая картина штурма электрички в дачный сезон!

Мишка, содрогаясь то ли от ярости, то ли от страха, несколько раз оглянулся на реку, но ничего не увидел – все заслоняли камыши, а вот конные, во главе с Егором вымахнувшие из-за деревьев, с высоты седел, видимо, что-то разглядели и ухватились за луки.

Поймав за плечо ближайшего отрока, Мишка просипел ему (голос сел окончательно):

– Кричи!

– А-а-а!!!

– Да не так, дурень! Кричи то, что я скажу!

«Блин, ну прямо фильм «Волга-Волга!»

– Кричи: слушай мою команду! Баб к стене…

– Слушай мою команду!!! – завопил отрок. – Баб к стене!!!

– Посадить на землю… прикрыть щитами… стоять плотно…

Отрок, надрываясь, репетовал команды сотника, около стены дома образовалась воющая на разные голоса куча-мала, которая постепенно покрывалась чешуей щитов, из леса один за другим продолжали вылетать на рысях всадники, возглавляемые Егором.

Мишка перекинул щит со спины, опустился на колено и, всем телом ощущая, как мал легкий вязовый щит, попытался прикрыть им и себя, и все еще стоявшего спиной к реке отрока. Не успел он как следует утвердиться на одном колене, как сразу с двух сторон его подперли плечами и два щита легли краями внахлест на его собственный, а еще два прикрыли сверху – опричники не бросили своего сотника в одиночестве под обстрелом.

По счастью, с ладьи не могли разглядеть толпу у стены дома – мешали береговые заросли, зато всадники, возвышавшиеся в седлах, оказались на виду. Однако стрелы с реки почему-то не прилетели. Мишка просто не верил своим глазам: судя по направлению, в котором стреляли из луков Егор и его люди, ладья с подмогой быстро (по скорости чувствовалось, что гребут «отрывая руки») миновала плес и ушла вниз по течению, даже не попытавшись выручить своих. Всадники, ведомые Егором и его людьми, тоже повернули коней вниз по течению и быстро скрылись в лесу.

Мишка расслабленно опустил щит и с трудом удержался, чтобы не усесться на землю.

– Митька, ты чего сам сюда выперся? Послать никого не мог?

– Сейчас, Минь, мы всех в дом быстренько… там, похоже, проветрилось уже, – Дмитрий, не отвечая на вопрос, попытался переключить своего сотника на другую тему.

– Да не надо уже… кхк-кхе… – горло жгло изнутри, словно наперченное. – Мотьку… скорее… кхе-кхе…

– Да вон он! Подходит!

Мишка только махнул рукой, отсылая Дмитрия: издавать хоть какие-то звуки было просто страшно. Так и ходил некоторое время возле дома, толкая иногда то одного отрока, то другого и указывая рукой на обнаруженный непорядок. Пригодился-таки опыт Андрея Немого, да и отроки, натренированные тем же Немым, быстро соображали, чего хочет от них сотник.

Матвей сначала поискал, нет ли раненых среди своих, потом занялся выжившими «террористами». Мишка тронул его за плечо и, наклонившись к уху,

прошептал:

– Там баба беременная… и еще одной… ногой в живот дали…

– Так я с бабами… того… не умею, Минь.

Мишка вместо ответа дал лекарю подзатыльник и указал рукой на дом.

– Да иду, иду уже… А с тобой-то чего? Голос…

Мишка топнул ногой и снова указал на дом.

– Да чего ты сердитый-то такой? Хорошо же все, ни убитых, ни раненых… Иду, иду…

«Вот-вот, поработай еще и гинекологом… это тебе не пацанам девичьи тайные места живописать. По первости, поди, пострашнее ампутации будет, или чего там еще у лекарей самым страшным считается… Вот, блин, еще и голоса лишился… самое время, туды его… и как теперь с княгиней общаться?»

Глава 2

Все происходило как-то не так… Нет, вроде бы и план сработал, и похитители поняли намек (мол, не испугаетесь дыма, так подожжем, но выйти все равно заставим), и отроки заняли места и отстрелялись не хуже, чем на тренировках в учебной усадьбе, и бедлам, устроенный бабами с детишками, был вполне предсказуем. Но вот то, что люди с боевой ладьи, вместо того, чтобы выручать своих, просто банально смылись… А еще этот безоружный типчик – по виду явно «не из той компании». А еще труп со вспоротым животом, вытащенный отроками из дома… – Они что там, между собой резались? И с какого перепугу спасенные приняли спасителей за ляхов?

У Мишки складывалось впечатление, что он хоть и управляет событиями, но как-то… фрагментарно, что ли. То все идет как по-писаному, то начинается нечто совершенно непонятное, потом опять – в соответствии с планом, а после вдруг

случается такое, что и вообразить невозможно.

Так, наверное, чувствует себя музыкант, играющий на синтезаторе в паузах хоккейного матча: играет он хорошо, порой захватывает разухабистой мелодией внимание зрителей, заставляя их аплодировать в такт, но только до вбрасывания шайбы. А дальше… дальше идет главное действие, ведь публика пришла на матч вовсе не для того, чтобы слушать музыку. Но и само главное действие разделено на две части – видимую для всех, и видимую и понятную только для узкого круга посвященных: тренеров, судей, маклеров тотализатора. И музыкант ко всему этому ни малейшего отношения не имеет, ничего или почти ничего об этом не знает.

Единственный способ стать полным хозяином положения – вместо музыки заорать в микрофон: «Пожар, спасайтесь!!!» Вот тогда все станет понятно и предсказуемо: тренеры со своими тактическими и стратегическими хитростями могут идти в задницу, судья со своим свистком туда же, а тотализатор… Да черт его знает, эти ребята, пожалуй, в любых условиях свое урвать сумеют. Однако главное действие накроется медным тазом.

«Ну что ж, сэр, похоже, именно это вы тут и устроили. Были какие-то хитрые расклады, сложные маневры, военно-политические игры, но пришел боярич Лисовин и, ни черта во всех этих хитромудрых маневрах не понимая, проорал: «Пожар, спасайтесь!» Часть публики рванула на выход, часть затоптали, кого-то и насмерть, а еще часть… гм, видимо, таким исходом должна быть довольна. Продолжая вашу аналогию с хоккейным матчем, сэр, это наверняка болельщики и игроки проигрывающей команды. Их срыв матча вроде бы должен устраивать.

А дальше что? Да, здесь и сейчас вы, сэр Майкл, стали хозяином положения, но в остальной, так сказать, «окружающей действительности»… Как вы думаете, что сделают с музыкантом, сорвавшим хоккейный матч, да еще, судя по всему, не рядовой, а финал какого-то первенства? Вот именно! Следовательно, что? Правильно – не хрен пальцы гнуть, надо думать, как бы их не пообламывали, причем по самую шею. И заниматься текучкой тоже незачем, на то у вас подчиненные имеются. Ваша главная задача на данный момент – получение достоверной информации, позволяющей понять расклад сил и выработать дальнейший план действий. И нечего нос воротить! Вон, лежит главарь, хоть и изрядно покоцанный, но вполне живой и говорить способный. Вперед, «война все спишет», тем более средневековая».

* * *

Главарь лежал в сторонке вместе с еще двумя выжившими «террористами». Судя по перевязкам, в него попало два болта – один раздробил запястье правой руки, а второй прошелся вскользь по лбу. Левую, здоровую, руку ему привязали к левой же ноге.

Мишка махнул, подзывая к себе Дмитрия. Склонился к его уху и зашептал:

– Пошли одного отрока узнать, что там у Егора, а сам со мной… кхе-кхе… главаря допрашивать.

– А чего у тебя с голосом-то?

– Ежа проглотил… против шерсти. Командуй, давай.

Ухватил пленного за одну ногу, кивком приказал Дмитрию сделать то же со второй ногой и поволок «террориста» в заросли ивняка – нечего другим слушать, что тот будет отвечать на вопросы.

– Ты чей? – прошептал Мишка, и старшина повторил его вопрос нормальным голосом.

Мужик не только не ответил, но даже отвернул голову, демонстрируя нежелание разговаривать. Сотник повторять вопрос не стал, а спихнул ногой искалеченную руку «террориста» с его груди на землю и наступил на нее подошвой сапога. Раненый напрягся, но продолжал молчать. Мишка, продолжая давить сапогом, покатал его руку туда-сюда – тот зарычал, выгнулся на земле дугой, но было понятно, что продолжает упорствовать.

«Да что ж ты, падла… ведь знаешь же, что все равно говорить заставим… Уй, блин!»

Пленный неожиданно махнул ногой, и только его неудобное положение (а может, последствия ранения в голову?) спасло Мишку от весьма неприятного удара. Зажмурившись, словно бил сам себя, он впечатал каблук в забинтованное

запястье, что-то отчетливо хрустнуло – не то кость, не то палка, к которой рука была примотана. Пленный взвыл и потерял сознание.

– Мить, воды.

Дмитрий смотался к берегу, принес воду в шлеме и вылил пленному на голову. Не помогло.

«Как бы не помер. Допрашивать-то вы, сэр, ни хрена не умеете. Матвея, что ли, позвать? Ну да, он вам покажет пытки…»

– Мить… кхе-кхе… еще. Только вот отсюда плещи, чтобы в нос попало.

Со второй попытки получилось – пленный закашлялся и залупал глазами. Мишка снова надавил на искалеченное запястье.

– А-а-а!!! – вопль, наверное, услышали даже в доме.

«Детей перепугаем… А они уже такого насмотрелись…».

– Будешь говорить, или нам костер развести?

– Не знаю ничего! У ляхов спрашивайте!

«Опять про ляхов, да что ж такое-то?! А не про того ли типчика он говорит?»

– Спросим. А пока тебя спрашиваем. Ты чей?

– Полоцкий… из полусотни боярина Васюты.

– Княжий дружинник?

– Да.

– Что? Просто дружинник, даже не десятник?

– Десятника вы в доме убили.

«Хреново. Просто инициативный мужик, взявший на себя командование в тяжелой ситуации. Много знать не может. Или может?»

Оказалось, что может. Пленный, как выяснилось по ходу допроса, был в составе команды, захватившей княгиню с детьми во время ее катания на ладье. Больше искалеченную руку ему топтать не пришлось, и часть непоняток, так тревоживших Мишку, разъяснилась.

Мишкино предположение о существовании резервного плана похищения подтвердилось, как и то, что этот резервный вариант, втайне от ляхов, сделался основным. О причинах этого пленный не знал, просто во время подготовки десятник улучил момент и шепнул своим людям, что ляхи уговор не выполняют, а потому велено забирать княгиню себе и не отдавать им, пока на то не поступит приказ.

Сам процесс захвата княжьего семейства в изложении пленного выглядел совсем не так, как в устах боярина Гоголя, и в очередной раз послужил прекрасной иллюстрацией к тому, что любой план боя существует только до первого выстрела, а потом…

Разумеется, никакого колдовства и в помине не было, хотя гроза похитителям помогла: сначала в поисках ветерка, облегчающего духоту, ладья княгини отошла довольно далеко от города, а потом ливень не позволил городненцам определить, в какую сторону направились похитители. А вот остальное происходило совсем не так, как живописал Гоголь.

Во-первых, одна из трех лодок, на которых подошли похитители, до ладьи княгини не добралась – больно уж ловко стреляли городненские лучники с берега: то ли перебили всех в лодке, то ли заставили залечь, прячась за бортами. Во-вторых, уже в самой ладье, кроме ожидаемых трудностей – добивания выживших охранников, обнаружилось еще одна, которую никто не предусмотрел. Бабы и детишки напихались в кормовую избу так, что выковырять из этой орущей, визжащей и брыкающейся кучи княгиню Агафью оказалось намного труднее, чем добить охранников. Дело дополнительно осложнилось еще и тем, что единственный человек, который знал Агафью в лицо, остался в той

лодке, которая до ладьи не добралась. По одежде тоже определить было трудно – все бабы по случаю жары оделись примерно одинаково.

И все это торопливо, на нервах, под стрелами с берега, сверкание молний, раскаты грома и проливной дождь… Стоит ли удивляться, что, выявив, наконец-то, княгиню, похитители обнаружили, что лодка у них осталась только одна – вторую в суматохе упустили. То ли привязали плохо, то ли и вовсе не привязывали – понадеялись друг на друга.

В одной лодке все бы не разместились – пришлось уходить на ладье, и вот тут-то полоцкий десятник и сообразил, что с берега их не видно и можно пойти не туда, где их поджидали, а в противоположную сторону. Еще какое-то время потратили на битье морд четверым ляхам, которые участвовали в операции и попытались воспрепятствовать изменению оговоренного маршрута, но с этим управились быстро – с подходящим-то настроением и неудивительно. Разобравшись с ляхами, дружно налегли на весла и… десятник заблудился! Ну, никак не мог найти место, где их должна была ожидать ладья с полоцкой полусотней под командой боярина Васюты.

Два дня выгребали вверх по Неману, опасаясь погони, боясь пристать у прибрежного жилья, а потом засомневались, не проскочили ли нужное место и не стоит ли повернуть назад. Вскоре стало уж и вовсе невмоготу: есть нечего – еды же с собой не взяли; детишки плачут, бабы воют, княгиня лается, как старшина плотогонов, ляхи всякими карами грозят. Дружинники от таких дел совсем осатанели, ляхов еще пару раз отметелили, бабам тоже синяков понавешали (княгиню, правда, трогать поостереглись), на собственного десятника уже волками смотреть начали.

Наконец, не выдержали и разграбили малую рыбачью весь всего из двух домов. Вымели всю еду, забрали одежду и вообще все, во что можно укутать детей, даже рогожи унесли (кормовую избу изнутри обвешали, чтобы по ночам потеплее было). Людишек, конечно, всех… свидетелей нельзя оставлять.

Еще несколько дней мотались, заглядывая во все подряд речушки и протоки – нет боярина Васюты, хоть топись! Затаились в укромном месте и послали людей на охоту – обрыдла уже сушеная рыба. Поохотились удачно, добыли молодого кабанчика, хоть поели наконец-то нормально. Но это взрослые, а у детишек со свинины животы прихватило! Ну, тут и вовсе сущий ад начался, десятник аж постарел на глазах, княгиня только что не кусалась, а так – сущая волчица.

Кабанчика, конечно, надолго не хватило. Послали охотников во второй раз, а те вместо добычи двоих людей боярина Васюты привели! Оказывается, рядом с нужным местом крутились, но куда надо умудрились не попасть. Десятник сходил к боярину и вернулся мрачнее тучи. Во-первых, получил нагоняй за то, что детишек приволок, да нагоняй крепкий, с рукоприкладством: мол, надо было головой, а не задницей подумать и высадить детей с няньками в оставшуюся лодку – городненцы подобрали бы. Во-вторых, княгиню везти в полоцкую землю не велено, а приказано ждать, пока с ляхами договорятся, и потом уж вернуть Агафью им. Значит, опять сидеть на месте.

Досиделись… Нагрянули три десятка городненцев на двух ладьях. Место, где держат пленников, они, правда, не нашли – купились на якобы небрежно спрятанную ладью княгини. За что и поплатились, попав в засаду. Дрались городненцы бешено и жизни свои продали дорого, но полоцких дружинников было больше, однако случились две беды. Непоправимые. Первая – часть городненцев сумела вырваться и уйти, и значит, снова жди гостей. Вторая – тяжко ранили боярина Васюту. Смертельно ранили. Прожил он чуть больше суток, а перед смертью пришел в себя и поведал такое…

В общем, смертниками они все оказались: и те, кто княгиню похищал, и те, кто вместе с боярином Васютой их встретить должен был. Поначалу-то предполагалось, что похитят только одну княгиню Агафью. При этом показывать ее той полусотне дружинников, что встречала похитителей выше по Неману, не собирались. Мол, охраняем кого-то, а кого – не ваше дело. Потом же, когда Агафью вернули бы ляхам, сами же ляхи должны были убрать участников похищения как ненужных свидетелей. Специально и подобрали для такого дела среди полоцких дружинников холостых да малосемейных. То есть ляхи брали всю вину за похищение на себя. Был у них в том какой-то интерес, а какой именно – их забота.

Но все пошло наперекосяк. Княгиню приволокли вместе с детьми, да детишек чуть не угробили. Великий князь Мстислав Владимирович такого не простит. И в тайне это сохранить не получится; из нескольких десятков людей, которые теперь все знают, хоть один, но проболтается. А Давиду Полоцкому в похищении, да еще таком жестоком, замазываться не с руки. Так что… свидетелей остаться не должно.

Поведал все это боярин Васюта, попросил у своих людей прощения за то, что так их подвел, да и преставился. А дружинники призадумались – кому ж помирать-то охота, да еще за чужие грехи?

Похоронили Васюту и других погибших без попа и отпущения грехов, а потом, как водится, оказалось, что всяк на свой лад мыслит, как да что делать дальше. Одни ни в какую не желали верить, что с ними так паскудно обошлись, другие стояли за то, что надо убираться куда подальше, там как-то устраиваться, а потом по-тихому вывозить к себе семьи. Нашлись и такие, что предлагали пленников перебить, вернуться в Полоцк и наврать, что никого так и не дождались.

К чему все шло, неясно: тех, кто непосредственно участвовал в похищении, начали сторониться и поглядывать косо, мол, они беду с собой принесли. Кончилось тем, что определили пленников и похитителей в тот самый дом и держали в строгости: никуда не выходить, огонь разводить только ночью и прочее. Даже дозоры ставили так, словно не городненцев стерегутся, а больше озабочены, как бы сидящие в доме не сбежали. Сами же, видать, никак промеж себя договориться не могли, что делать дальше. Десятник же похитителей пытался о чем-то с княгиней договорится, но, похоже, ничего не вышло. Так и дождались прихода Мишкиной сотни.

«М-да, хочешь не хочешь, но матушкины слова вспомнишь: «Возле князей – возле смерти». А впрочем, сэр, когда по-другому было-то? Ни президенты, ни императоры в этом смысле от князей не отличаются. Армию в таких делах использовать нельзя, нужны «спецы», а «спецов»-то как раз ЗДЕСЬ еще и нет. Вот и оказываются солдатики в роли «одноразового инструмента» в политических игрищах. Нет, недаром военные политиков не любят, ох, недаром!

Историю, конечно, этот мужик рассказал занимательную, но не сходится у него кое-что, никак не сходится. Например, он уверенно заявлял, что ладья их подберет, а на деле-то вышло, что люди покойного боярина Васюты слиняли, послав все эти хитрые заходы политиков в самые разнообразные места. Что, пожалуй, на их месте любой военный сделал бы. Наймутся к другому князю, профессионалы без работы не останутся, а потом действительно как-нибудь свои семьи из Полоцка вызволят…

Не о том думаете, сэр. Надо других пленных допрашивать и сравнивать показания, что-то тут нечисто».

Допрос пора было заканчивать и звать Матвея – повязка на руке пленного набрякла кровью, дело могло кончится плохо, однако Мишка решил задать еще пару вопросов.

– Спроси, как зовут? – прошептал он на ухо Дмитрию.

– Никодим, – ответил пленный.

«Показалось, или была заминка? Мужик, по всему видать, бывалый, но имя-то всегда спрашивают вначале, а мы – только сейчас, неожиданно».

– А прозвание?

– Нету. Просто Никодим.

«Вот опять: такое ощущение, что прозвище у него есть, но он не хочет его называть. Какой ему вред от прозвища? Или знаменит чем-то, а перед нами простым дружинником выставляется? Да один хрен, мы полоцких знаменитостей не знаем, но тем меньше причин ему верить. Ладно, последний вопрос, тут ему врать вроде бы смысла нет».

– А с чего вы нас за ляхов приняли?

– Так Дунька, дура… Ей поп рассказывал, что есть такой лях, у которого Лис на знамени. Ну, и у вас лисы на щитах… углядела, глазастая, в щелочку и нас с панталыку сбила.

Услышав последние слова ответа, Мишка чуть не вздрогнул – пленник сказал не с «панталыку», а, на греческий манер, «панталексу». Когда-то, еще ТАМ, в молодости, во время обсуждения рассказа Василия Шукшина «Срезал», один умный человек объяснил молодежи, что «панталык» происходит вовсе не от украинского «збити з пантелику», а от греческого pantaleksos – «прочитавший все книги»[3 - Сбить с панталыку – смутить, сбить с толку, в переносном смысле

– переиграть в словесном поединке человека, более начитанного, знающего.]. После этого в их молодежной компании долго еще звучали разные шуточки про «панталексоса», потом это забылось, а вспомнилось незадолго до «засыла» в XII век, когда одного знакомого Михаила Ратникова сбила машина марки «Лексус». Но вот услышать подобную оговорку от простого дружинника…

«Врет! Все врет! Лодку они потеряли, блин. Это что, опытные вои лодку привязать толком не сумели? Да даже если и отвязалась, далеко бы не уплыла: обе посудины по течению дрейфовали, с одинаковой скоростью. Одним гребком «потеряшку» догнать можно. Как хотите, сэр, а оттолкнул кто-то ту лодочку специально, возможно, что и сам же этот «панталексус». Десятник ими командовал! Три раза «ха-ха»! На совместную с поляками операцию по похищению княгини из правящей династии поставить десятника? Да не меньше чем «боярин по особым поручениям» должен быть, если, конечно, не считать князя Полоцкого дебилом. На Немане они заблудились? Тоже мне, «океан без дна и берегов»! Простой дружинник, а речь и поведение… Помните, как Глеб Жеглов говорил: «У тебя на лбу десять классов написано»? Все вранье, сэр Майкл! Разводят вас, как лоха, простите на грубом слове».

– Все, Мить, – прошептал Мишка, – больше нельзя, кровью истечет. Зови Мотьку, пусть перевяжет.

Пока Дмитрий ходил за Матвеем, у Мишки с пленным состоялся… ну, разговором-то это назвать нельзя, однако некий диалог имел место. Началось с того, что Мишка уловил на себе пристальный взгляд «панталексуса». Не просто пристальный, а, пожалуй, слегка насмешливый, типа: «Я знаю, что ты знаешь, что я тебя водил за нос». В ответ Мишка подчеркнуто медленно кивнул – понимаю, мол, и, сделав шаг назад, наложил болт на взведенный самострел.

«Вот же зараза – понял, что не верю. Когда прокололся? Вроде как лицо «держал»… Перестарался? Надо было больше пацаньей наивности и доверчивости подпустить?»

– Осторожен, умен, хорошо выучен, люди тебе повинуются, – констатировал «панталексус». – Далеко пойдешь, парень.

Дергать горло категорически не хотелось, и Мишка лишь сплюнул в сторону: «Клал я на твои комплименты с прибором, под аккорд ре-мажор».

– Однако же тайных путей власти ты не знаешь, – продолжал пленный. – И обучить этому тебя некому. Так и останешься слепцом там, где знающие люди видят многое… очень многое. Жаль, если так и проживешь простым воином, хотя по уму и талантам мог бы подняться высоко. Ты даже и не представляешь, как высоко!

«Сэр, вас пытаются вульгарно вербануть. Позвольте отдать должное вашей прозорливости – визави ваш отнюдь не прост. Очень даже не прост. Может, подыграть? Глядишь, что-то и раскроется между делом».

Так же молча Мишка попытался изобразить осторожную заинтересованность: ну не может подросток не клюнуть на подобные разговоры!

– Ты посмотри, в какой узел все завязалось, сколько князей в нынешние дела втянуты, да еще и ляхи, а там тоже своя борьба. Княгиня Туровская из ляшского рода Пястов, за знатными ляхами замужем две княжны Святополковны. Ты видишь, как все переплелось? Кто тебе подскажет, как себя верно повести, чью сторону принять?

«Ну-ну, все так сложно, просто ужасно. Утопить пацана в избыточной информации, заставить испугаться, искать сведущего в этих делах советника… Дешево покупаешь, шер ами «панталексус». А ну-ка, попробуем обострить…»

Мишка, все так же не издавая ни одного звука, указал подбородком на искалеченную руку пленника и многозначительно приподнял носок сапога.

– Да, можно разговорить пытками, – правильно понял намек «панталексус», – но для этого надо знать, что спрашивать. А ты знаешь? Да и вымученный совет очень сильно отличается от совета, данного добром… – кажется, полочанин все больше входил в роль Змия-искусителя. – Ты же не дурак, понимаешь, о чем я говорю. А поначалу-то, наверное, думал, что красного зверя добыл, великий откуп за княгиню с детьми получишь? Думал-думал, любой бы на твоем месте так решил. Но скольким сильным мира сего ты их намерения поломал?

Мишка, будто обуреваемый сомнениями, опустил взгляд и пару раз качнулся, переминаясь с одной ноги на другую.

– А ведь от мести власть предержащих, если умеючи, защититься легко, – пленный перешел уж вовсе на отеческий тон. – И выгоду немалую поимеешь, и сильные мира сего тебя приблизят и своими благодеяниями не обделят. Только знать надо тайные пути власти, слабости властителей, способы заставлять их поступать так, как тебе надобно. Непроста наука эта, иной и за всю жизнь ее постигнуть не может, но если есть рядом знающий человек…

Сладко пел «панталексус», прямо-таки сирена из античных мифов, Мишка старательно изображал внимательного слушателя, но думал о своем. Что бы ни наплел ему сейчас этот тип, в одном он безусловно прав: влезли они по самые уши в политические игрища, и прежде чем что-то предпринимать дальше, надо хотя бы приблизительно сориентироваться в раскладах, поскольку спрыгнуть на ходу уже никак не получится. До того самого брода, где валялся полумертвый городненский князь в ожидании своей неведомой судьбы, можно было, а сейчас – нет.

«М-да, ничего-то вы, досточтимый сэр, об отношениях на этом уровне управления не знаете. Эксцесс исполнителя? Ну… возможно, конечно, но сомнительно – люди-то, как мы уже договорились считать, сэр Майкл, серьезные и умелые, ляпов допускать не должны. Вновь открывшиеся обстоятельства вынудили исполнителя принимать самостоятельное решение? Но это какой же уровень доверия должен быть у князя к тому, кто командовал похитителями, какие полномочия этому исполнителю даны? Кто-то из младших князей такие полномочия, возможно, получить мог. Получить или присвоить? А вот кто-то из старших бояр… мог или не мог?

Хватит гадать! Ну-ка, любезнейший, кончайте заниматься ерундой и включайте голову! Жесткую взаимосвязь мотиваций и поведенческих реакций никто не отменял. Если основные характеристики объекта исследования известны, то вычислить его мотивации, а следовательно, и поведение в тех или иных обстоятельствах, можно и нужно.

Итак, имеем три объекта исследования: Полоцкое княжество, Литва и королевство… (или все-таки великое княжество?) Польское. Коалиция,

осуществившая агрессию против Туровского княжества. Кому из них и зачем понадобились жена и дети Всеволода Городненского?

Начнем с Литвы. Литва… Литва… не знаешь, как ее и назвать-то: государства там еще нет, даже и единым национально-территориальным образованием не назовешь. Отдельные племена, чьи руководители соперничают между собой за общее лидерство. Будем именовать просто Литва, и все. Под Пинск пришел литовский князек Живибунд с сотней конных, и с ним несколько уж и вовсе мелких то ли князьков, то ли бояр.

Пляшем, как и положено, от проблемы, то есть от разницы между имеющимся положением дел и желательным. Какие у этого самого Живибунда проблемы? Жена скандалистка, сын раздолбай, соседка не дает… Тьфу, блин, куда вас понесло, сэр? Такие, почитай, у каждого мужика имеются, а тут князь! Какие свои проблемы Живибунд может разрешить, участвуя в походе на туровские земли? Очень просто: стать круче других литовских князьков, с которыми он соперничает за лидерство. В идеале – стать первым и подмять под себя всех остальных».

Что для этого требовалось? Стандартный «джентльменский набор»: сила, авторитет, богатство. Авторитет… ну, по тогдашним временам, удачливость – чуть ли не основной аргумент в формировании авторитета. Сводил своих людей в поход, вернулся с малыми потерями и богатой добычей – да, удачлив, никаких вопросов. «Короля делает свита», а уж эти самые мелкие то ли князьки, то ли бояре непременно постарались бы объяснить «общественному мнению», что не зря пошли под руку такого замечательного вождя. Вот и авторитет.

В следующий раз за Живибундом наверняка увяжется гораздо больше такой мелочи – вот и сила. А богатство? Так добычу же притащили! Но союзники, надо признать, из подобных живибундов ненадежные. Пока все удачно, союз крепок, только знай присматривай, чтобы не увлекались грабежами в ущерб общему делу. Но если что-то шло не так, участие в общем мероприятии сразу же теряло для них смысл: вернуться к своим битым и без добычи (или с незначительной добычей) значило не просто нулевой результат, а «уход в минус». Репутация удачливого вождя требовала постоянного подтверждения, а рухнуть могла в одночасье.

«Это во-первых, сэр, а во-вторых… Сбежать в пиковой ситуации, бросив партнеров и унося свою долю добычи, с точки зрения репутации удачливого

вождя вовсе не грех. Наоборот, можно рассматривать как подсказку свыше, ну, вроде как кто-то с небес, из-за облачка, «атас» крикнул, но так, что услышал только вождь. А если ты так крут, что у тебя боги на стреме стоят… О-го-го! Тут уже не просто удачливость и авторитет, а бери выше – сакральность власти! Считай, помазанник божий.

Короче: цель – приподняться над «коллегами», задача – пограбить и вовремя смыться. При таком подходе для чего может понадобиться княгиня Агафья с детишками? Только для выкупа, причем быстрого. Если затянуть, то вместо выкупа можно дождаться братиков Мстислава Киевского и Вячеслава Туровского с войском. Тут уж не до сакральности – живым бы остаться.

Вывод? Литва могла пленить княгиню Городненскую только ради выкупа: хапнули, выставили клиента на бабки, свалили. М-да, не вписывается в произошедшее. Никак не вписывается. Значит, Литва отпадает.

Теперь Полоцк. Проблемы… много, конечно, всяких – государство же. Пусть еще в классическом виде до конца и не сформировавшееся, но государство, а беспроблемными они не бывают».

* * *

Какова главная цель любого государства во все времена? Глобальное выживание! Если эта цель не достигается, все остальное не имеет смысла: государство перестает существовать. Главные задачи, которые надо решать для достижения цели – внешняя безопасность и внутренняя стабильность. Все остальное – внутренняя и внешняя политика, идеология, обороноспособность, экономика, законодательство и прочее, вплоть до образования и здравоохранения – подзадачи, решаемые в целях обеспечения внешней безопасности и внутренней стабильности. В процессе решения этих подзадач выявляются локальные проблемы, ставятся цели – краткосрочные и долговременные – и определяется круг задач, решение которых должно привести к достижению локальных целей. И так далее и тому подобное, сверху вниз вплоть до решений вроде сроков ремонта моста через речку Пупырку или определения, кому из мужиков принадлежит спорная корова.

* * *

«Разумеется, актуальность всех этих больших и малых проблем, а также очередность решения задач определяется управляющей элитой. В нашем случае это князь Давид Полоцкий, другие князья полоцкой земли, а также всякие ближники, советники… вплоть до жен и любовниц, которые сами решений не принимают, но повлиять на процесс принятия решений могут.

Анализ произошедших событий дает основания утверждать, что в какой-то момент в Полоцке самой актуальной проблемой сочли давнее, можно сказать, застарелое, соперничество с Киевом. Династическое, политическое, экономическое, военное… проще говоря, комплексное, или системное. Вплоть до адаптации к местным условиям крылатого выражения «Карфаген должен быть разрушен».

Проблема понятна, а цель… М-да, сэр, цель-то у них, получается, не просто военная, а военно-политическая. Решать ее можно только поэтапно, так как в одночасье Киев не угробишь – руки коротки. Значит, вначале им надо не только самим приподняться, но и опустить Киев, чтобы, насколько возможно, изменить баланс сил в свою пользу. А после первого этапа противостояния с Киевским княжеством требуется непременно удержать захваченное – «законсервировать» ситуацию на срок, достаточный для подготовки к следующему этапу.

Вот тут-то Полоцку и пригодится княгиня Агафья Городненская – родная сестра князей Киевского и Туровского. Причем в долговременном плане – как серьезный аргумент в переговорах с Киевом и Туровом. Именно в переговорах! После того как военные действия либо закончатся, либо прервутся на какой-то срок. То есть прямо сейчас – пока все решается военной силой – княгиня Городненская полочанам не нужна.

Или нужна? Выставить ее перед воротами осажденного Пинска и потребовать сдачи города? А если не сдадут?

Обороной Пинска руководят не Мономашичи, а Святополчичи, им Агафья почти никто – баба из конкурирующей ветви Рюриковичей. Святополчичи натерпелись от Мономашичей всяких обид и унижений «выше крыши», могут и послать шантажистов в самые разнообразные места. И что тогда делать полочанам с Агафьей? Убить? А как потом с Мстиславом Киевским договариваться? Он за родную сестру от Полоцка одни головешки оставит, и общественное мнение, что характерно, будет на его стороне! Вот и выходит, что использовать плененную

княгиню во время боевых действий нельзя, а надо придержать до начала переговоров.

Вывод: у Полоцка и Литвы планы на заложников из Городно не могут совпасть в принципе – Литве пленников надо «реализовать» быстро и с материальной выгодой, а Полоцку – в долговременном плане и с выгодами политическими. Вот уж, в самом деле, «телега, конь и трепетная лань». Да, прав был товарищ Пушкин: сотрудничество таких разных субъектов до добра не доведет. Скорее всего, литвины о похищении княгини даже не знают… Во избежание, так сказать, а то еще свою долю требовать надумают».

Мишке стало даже слегка обидно, когда вернувшийся с Матвеем и еще одним опричником Дмитрий прервал сольное выступление пленника.

– На-ка вот, горло пополощи, – Матвей передал Мишке завернутый в тряпицу туесок с какой-то слегка маслянистой, пахнущей медом и травами горячей жидкостью. – И давай я тебе горло укутаю, в тепле его подержать надо. Ну и помалкивай, разве что шепотом, да и то не надо бы.

Тут же нарушив предписание лекаря, Мишка прошептал:

– Что там с бабами?

– Да не пустили меня! – досадливо ответил Матвей. – Сами как-то управляются.

Мишке тут же вспомнилось, как после падения матери из саней точно таким же тоном возмущалась Юлька: «И меня выгнала! Говорит – не мое дело, а как я учиться буду, если до больных не допускают?» Мотька вроде бы и боялся, говорил, что не умеет с бабами, а вот поди ж ты – не допустили, и раздосадовался. Истинно лекарское нутро у парня.

– Там в доме трое раненых из этих… – Матвей мотнул головой в строну лежащего на земле «панталексуса», – не жильцы. Один уже отошел, двоим другим недолго осталось. Раны черные, смердят гадостно, сами в жару и без памяти. И… – Матвей поколебался, – брошенные они какие-то. Лежат в клетушке малой, похоже, что за ними никто и не ходил. Ну, разве что девчонка та, которую ты у

стены тискал. Да много ли она могла? Так только – напиться подать да пожалеть. Из тех, что мы побили, троих сразу насмерть, еще один совсем плох – я думал, что ему только лопатку болтом раздробило, а он вдруг кровью харкать начал. Видать, глубже достало. Второй, которому ты, Минь, локоть разворотил, вроде бы ничего – может, и руку отнимать не придется. Ну и этот, – Матвей указал на «панталексуса», – ему бровь болтом начисто смахнуло и жилу на запястье порвало, ладонь, как тряпочная, болтается…

– Стой! – прервал Матвея Дмитрий. – Так у него кость не сломана? А зачем палка примотана тогда?

– Так затем и примотана, чтобы ладонь не болталась и рана не открылась. А чего вы с ним делали-то?

«Та-ак… Это, значит, он с потерей сознания ваньку валял? Нет, разорванное сухожилие тоже не подарок, но не сравнить же с раздробленной костью».

Мишка глянул на пленного, и тот не отвел взгляд, а полуприкрыл веки, словно соглашаясь с чем-то.

«А ты наглец, мусью панталексус! Уже, надо полагать, решил, что установил со мной «особые отношения». Ну-ну, будем посмотреть…»

Мишка знаком велел Матвею и опричнику оставаться с пленным, а Дмитрию махнул, чтобы шел с ним туда, где лежали двое раненых «террористов». По крайней мере с одним из них, судя по словам Матвея, можно было разговаривать.

Раненый оказался в одиночестве: видимо, второй уже отмучился и его отволокли к убитым. Молодой, лет двадцати, парень сидел, мерно раскачиваясь из стороны в сторону и прижимая к животу перевязанный локоть, – рана его заметно мучила.

– Как звать? – не дожидаясь Мишкиной подсказки, рявкнул Дмитрий.

– Селиван.

– Как смел княгиню с детьми обидеть, тать?

Селиван глянул на Дмитрия, как на безнадежного идиота, и коротко процедил:

– Приказ.

Мишка придержал рукой своего старшину, явно собиравшегося вразумить пленного добротной затрещиной, и прошептал:

– Почему не повезли, куда уговорено?

– Почему не доставили княгиню, куда следовало, а потащили в другое место? – грозно вопросил Дмитрий.

– Боярин велел.

– Какой боярин? – Дмитрий снова не стал ждать Мишкиного вопроса.

– Боярин Никодим.

«Ага, значит, не просто дружинник, а все-таки боярин. Ну, можно было бы и догадаться».

– А зачем это ему? – прошептал Мишка. Дмитрий повторил вопрос.

– Так кто ж его знает? – Селиван поморщился то ли от боли в руке, то ли от странности вопроса. – У него вечно все не как у людей.

– И что? Никак вам это не объяснил?

– Сказал: «Так надо». И все.

– А ляхи?

– А в морду! – с неожиданным ожесточением ответил пленный. – И ногами еще попинали.

– Ну, а дальше что было?

– Дальше прятались… детишки заболели… потом нас боярин Васюта нашел…

– Ну-ка, ну-ка… – Мишка на секунду даже забыл про горло, но оно тут же напомнило о себе саднящей болью. – Вы Васюту искали, или он вас нашел?

– Мы прятались. Он нашел. Ругался с Никодимом… вроде бы, я не слышал.

– Из-за чего?

– Не знаю, но у Левши же все вечно навыворот…

– У кого?

– У боярина Никодима прозвание «Левша». Он же все не так, как другие, делает. Не только руками, у него еще и голова не так, как у всех людей, думает.

«Левша!!! Не хотел называть своего прозвища! У него же левая рука здоровая!»

Мишка сорвался с места и кинулся к зарослям ивняка, в которых оставил Матвея с пленным и опричником Янькой.

– За мной! – раздался за спиной голос Дмитрия.

И бежать-то было всего ничего – меньше полусотни шагов или около того, но этот путь показался Мишке таким длинным! Ветка хлестнула его по лицу, Мишка не обратил на нее внимания, потому что уже видел: Матвей сидит на земле, закрывая лицо руками, и из-под ладоней сочится кровь.

«Слава богу, живой!»

Рядом, скрючившись в позе эмбриона, неподвижно застыл на земле опричник Янька.

«Господи, еще один…»

Не останавливаясь – все потом – Мишка ломанулся сквозь ивняк дальше. Споткнулся, упал, заметил, что кто-то его обогнал, вскочил и попер, раздвигая ветки склоненной головой в шлеме. Когда выскочил на берег, только и успел заметить, как скрывается в камышах спина Никодима Левши. Тут же щелкнуло несколько самострелов (кажется, не попали), и во все стороны полетели брызги от ног отроков, с разбега влетающих в воду. Затрещали камыши…

Сам Мишка с трудом, но удержался на берегу – проблема с горлом никак не облегчилась бы еще и от купания в сентябрьской водичке. Да и самострел… только сейчас вспомнил, что выпустил оружие из руки, когда оно зацепилось за что-то в ивняке.

«Ничего, ребята шустрые, догонят. Да и куда он в реке денется-то с покалеченной рукой? Мотька! Янька!»

Мишка торопливо повернул назад. По дороге сбился с направления и вышел к ребятам вовсе не с той стороны, с какой ожидал. Матвей все так же сидел на земле и ощупывал пальцами расквашенный, прямо на глазах синеющий, нос. Кровь на его лице мешалась со слезами.

«Да-а, силен Левша, как он левую руку-то высвободил? Так, а с Янькой что?»

Опричник, свернувшись клубочком, лежал на правом боку, рядом валялся разряженный самострел, а в двух шагах из земли торчал хвостовик болта.

«По ногам стрелял, да не попал… Так… дышит, пульс есть, крови… крови нигде не видно. И что это может быть? Да понятно что – ногой в промежность получил. Ну, боярин Левша, если живым попадешься, я тебя специально на пять минут наедине с Янькой оставлю… когда оклемается, конечно».

В ивняк с шумом и треском вломился еще кто-то, на этот раз со стороны дома. Мишка поднял взгляд – Артемий с двумя отроками.

«А кто в лавке… тьфу! у дома командовать остался? Бардак…»

Говорить, впрочем, ничего не пришлось – Артемию оказалось вполне достаточно зверского выражения лица сотника, беззвучно, но явно ругательно, шевелящихся губ и вытянутой в сторону дома руки. Ни слова не говоря, поручик развернулся и дернул назад, на ходу осаживая еще кого-то из подчиненных:

– Куда претесь? Назад! Там и без вас управятся!

Двое отроков, прибежавших с Артемием, растерянно топтались на месте, поглядывая то на Мишку, то на пострадавших. Жестами (в очередной раз спасибо Немому) Мишка объяснил им, что требуется, и ребята, дружно подхватив Яньку, поволокли его к воде: в таком деле холодненькое приложить к поврежденному месту – самое то.

– Гы-ы… – гнусаво подал голос Матвей.

Мишка схватил его за волосы (шляется без шлема, раздолбай) и притянул к себе.

– Думаешь, пожалею? А вот те хрен на блюде! Еще и добавлю! Кхе… кхе… Вернемся, каждый день будешь заниматься с Демьяном рукопашкой и ножевым боем! А будешь… кхе… будешь отлынивать, Юльку напущу!

– Гы-ы…

– Козлодуй драный… кхе… раздолбай! – ругаться шепотом было ужасно неудобно. – Ты не только себя, ты и раненого… кхе-кхе… защитить…

Мишка с чувством пнул Мотьку сапогом по заднице, постаравшись, правда, чтобы тому не попало железной подковкой на носке сапога.

– У-у! Гыыв… – Лекарь попытался оттолкнуть Мишку, но тот и сам не собирался продолжать телесное наказание.

– Вот и лечи себя сам… других лекарей нету… кхе-кхе… туды тебя в дедушку Рентгена и аппарат его, эскулап хренов!

До дома Мишка дойти не успел – из леса вылетел рысью отрок, посланный выяснить, как дела у отряда, пустившегося по берегу преследовать ладью

полочан, и еще с седла заорал:

– Господин сотник, дозволь обратиться… Егора убили!!!

– Что-что? – И откуда голос взялся? – Как убили?

– Стрелой! Они в ладьях… ну, которые там две были, днища хотели прорубить… наши налетели… они – бежать, а с ладьи стрелами… Наших много побили… и десятника Егора…

– Сам видел?

– Ага… лежит вместе с конем, а из головы стрела торчит.

– А Роська… кхе-кхе… поручик Василий?

– Живой… командовал что-то… а мне же велено поглядеть и назад… вот я и… это самое…

«Все, блин… один остался. Вот теперь по-настоящему один. Что ж делать-то? Спокойно, сэр Майкл! А ну-ка, без паники! Совет опытного мужика – великое дело, но вам-то тоже не четырнадцать лет! Не стоять столбом! На вас же все смотрят, все слышали, что Егор убит. Артемию подать знак, чтобы продолжал распоряжаться, самому отойти и присесть на завалинку… да, и голову опустить, чтобы вашей растерянной морды никто не видел. Вот так: поза “Чапай думает, никому не мешать!”»

Мишка оперся локтями на раздвинутые колени, ссутулился и… все – окружающий мир начал куда-то пропадать, уходить за пределы восприятия. Краем сознания еще отметился голос кого-то из отроков: «Господин сотник…» и окрик Артемия: «Не трожь его…», а потом пришло знакомое еще ОТТУДА противоестественное сочетание пустоты и тяжести и заслонило собой все. Знакомое, повторявшееся не единожды состояние, поначалу вовсе и не связанное с чьей-то смертью…

* * *

Впервые это чувство тяжкой пустоты пришло еще в детстве, в начале шестидесятых годов, на фоне чужого счастья и радостных хлопот – ленинградцы массово переезжали из бараков, чердаков и подвалов в «хрущобы», тогда представлявшиеся новоселам очень даже приличным жильем. Почти каждый выходной день возле длиннющего дома барачного типа, в котором жил Мишка Ратников, появлялись грузовики, в кузова которых перетаскивали небогатую мебель и прочий домашний скарб, сажали детишек и старух (почему-то почти обязательно с фикусами или кошками на коленях) и… на одну знакомую с детства соседскую семью становилось меньше.

Вот так однажды МАЗ, воняющий дизельным выхлопом, увез и девочку, с которой у Мишки Ратникова… ну что там могло быть в двенадцать-то лет? Однако было, и на том месте, которое эта девочка занимала в… (душе? подсознании? мироощущении?), образовалась пустота. И пустота эта оказалась, вопреки всем законам физики, очень тяжелой – так и гнула к земле. А еще у этой пустоты, возможно, тоже вопреки каким-то законам, был свой смысл, выражавшийся в понимании: «Уже никогда…»

Потом это чувство забылось, а через пять лет снова возникло по обыкновенному, но в семнадцать лет трагическому поводу, когда не прошедший по конкурсу в вуз Мишка Ратников смотрел первого сентября на студентов и школьников.

Не то чтобы он так уж любил школу, вернее четыре разные школы, в которых пришлось поучиться за десять лет; слова песни «Школьные годы чудесные» вызывали у Михаила Ратникова скорее саркастическую, чем ностальгическую улыбку. Однако в тот день он понял, что привычный и понятный образ жизни закончился для него навсегда, а что будет дальше?

Впервые за десять лет он оказался вне этого потока, стремящегося в классы и аудитории, и снова пришло ощущение «Уже никогда».

Какими мелкими, смешными, детскими показались ему эти переживания спустя всего два года! Тогда, хрипя издерганными легкими, на подгибающихся ногах, с пальцами, которые непонятно какими силами еще удерживали рукоятки носилок, он тащил по горному склону солдатика, получившего две пули в живот. Тащил, хотя твердо знал, что живым не донесут – Карпаты хоть и невысокие, а

все равно горы, и вертолет может сесть далеко не везде. Там-то он и ощутил по-настоящему многотонную тяжесть пустоты, образующейся на месте ушедшего человека, тогда-то и оформилось в четкие, словно высеченные на граните слова, ощущение «Уже никогда».

За полвека жизни ТАМ Михаилу Ратникову еще не раз пришлось пережить подобное. Всякое случалось… Смерти родственников и просто близких людей, ликование дерьмократов при спуске знамени, которому он присягал, проигрыш четвертой избирательной кампании после выигрыша трех предыдущих, камера в «Крестах» вместо защиты диссертации…

Не то чтобы привык – привыкнуть к такому невозможно, – но научился переносить с минимальными потерями и минимальными же внешними проявлениями. Однако однажды выяснилось, что это еще не все. К словам «Уже никогда» добавилась еще одна фраза, если подумать, то пострашнее первой.

Так уж переплелись факты биографии с особенностями характера Михаила Ратникова, что он лет с четырнадцати-пятнадцати мечтал пожить один. Чтобы рядом не присутствовал никто, чтобы не только не выполнять чьих-то просьб или требований, не согласовывать свои действия и режим с существованием пусть сколь угодно близких, даже любимых, людей, но и напрочь отгородиться от окружающего мира небольшим, но исключительно личным пространством. Вот такой «таракан» в голове, порожденный невозможностью побыть одному, когда это необходимо. Не то чтобы это стало навязчивой идеей или просто горячим желанием, но время от времени посещала мысль: «А хорошо было бы… что хочешь, то и делаешь, и никто не видит, и ничего не скажет, или не подумает, или не спросит, и никому не надо ничего объяснять, и все такое прочее…»

Сбылось… Стал жить один. Справил девять дней со смерти жены, проводил гостей, начал убирать со стола… Прямо так – со стопкой грязных тарелок в руках – сел на подвернувшийся стул, и вместе со знакомыми словами «Уже никогда…» пришло: «Не смей больше мечтать – мечты сбываются!» Сказать, что захотелось по-волчьи завыть на луну – ничего не сказать. Кто сам не испытал – объяснять бесполезно. Но выводы сделал.

Не мечтал больше никогда и ни о чем (да и какие, к черту, мечты, когда под полтинник подкатывает?) – только рассчитывал и планировал. Помогло, прямо скажем, слабо: сначала, во исполнение чьих-то чужих планов, загремел за решетку, а потом, опять же по чужим расчетам, в двенадцатый век.

Новое молодое, здоровое тело, впереди целая жизнь, и не надо вздыхать: «Если бы молодость знала, если бы старость могла…», потому что и знаешь, и можешь! Разве это не сбывшаяся мечта? Но ведь не мечтал и не просил!

* * *

«…Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут[4 - Булгаков. «Мастер и Маргарита».]». Подарок от Воланда? Или не подарок, а предложение, от которого невозможно отказаться? А что вас так сильно удивляет, сэр? Решение жить только планами и расчетами, отказ от эмоций, желаний, мечтаний, страстей – разве это не отказ от человеческой сущности? И ведь у вас все получалось! Ну, почти все. Свой городок, своя дружина, сотник в четырнадцать лет. А сейчас у вас в руках княжеская семья, и вы собираетесь поступить с ней так же, как до сих пор поступали с другими: просчитать мотивации, определить способы воздействия и добиться своего. Ничего же нового – со сколькими людьми вы уже привычно обращаетесь, как с шахматными фигурами? Не о том ли тысячи, а может, и миллионы наивных придурков просили во все века того, у кого не счесть имен, включая имя «Воланд»?

Что, не верите? Атеист вы? Ну и что? Результат-то налицо! Вам нужны еще аргументы? Пожалуйста! Недавно Роська, которого вы чуть ли не за сына держите, подсчитал, что ваше личное кладбище уже перевалило за три десятка собственноручно вами, сэр Майкл, убиенных. Какие чувства вы испытали? Удивление: «Когда это я успел?» И все! Как вам сей факт, досточтимый сэр?

Желаете еще? Да сколько угодно! Припомните, как вы теперь относитесь к когда-то любимым вами персонажам братьев Стругацких – дону Румате и Максиму Каммереру? Как к наивным хлюпикам, рефлексирующим интеллигентам… что там у вас еще из набора уничижительных эпитетов имеется?

Ну как, достаточно или продолжить? Ах, желаете сменить тему? Ну, что ж, можно и сменить. Задумаемся, например, отчего смерть десятника Егора повергла вас в такой шок? Гибель отца Михаила вы тоже перенесли тяжело, но ощущения беспомощного одиночества не возникло. Только ли оттого, что тогда рядом с вами были лорд Корней, потворник Аристарх, Рудный Воевода Алексей и прочие, за чью спину при нужде можно спрятаться, а сейчас не за кого? Не слишком ли просто?

Испугались вы, сэр! Вспомнили фильм «Хроника Сатаны младшего». Там дети просили, чтобы простудившегося мальчика не разбивал паралич, и их просьбу исполнили. Никакого паралича – мальчик умер. А вам захотелось, чтобы Егор не мешал провести успешную и эффектную операцию по освобождению заложников. Ваше желание сбылось, но таким же образом, как и в упомянутом фильме – Егора убили. Значит, теперь не только мечтать, но и желать чего-то, сильно и страстно, тоже нельзя!

Вот она – плата за вторую молодость, за вторую жизнь, за знания, которых нет ни у кого из ныне живущих. Ну как? Запаха серы не чувствуете, сэр? А сатанинский хохот из-за угла не доносится? Нет? Как же так? Ведь все одно к одному складывается? Вот посмотрите: вас буквально преследуют удачи, обстоятельства вам все время благоприятствуют, вас уже, как минимум, десяток раз должны были убить, но вы все время выкручивались. Это – раз.

Вы холодны и расчетливы, манипулируете людьми, как марионетками, давите им на психику фокусами, принесенными с собой из будущего. Вот только что, в самый пиковый момент освобождения заложников вы умудрялись прикидывать «княжна или не княжна?» и на всякий случай изобразили сцену из рыцарского романа. Напомнить вам еще одну сказочку? Про мальчика Кая из «Снежной королевы», которому в глаз попал осколок колдовского зеркала? Это – два.

Вас опасаются даже взрослые воины, но… НО! Вас любят, вами восхищаются, вас закрывают своими телами, жертвуя собой. Вы увели из Михайлова городка сто десять мальчишек, а вернете… даже и сами не знаете, наберется ли хотя бы половина. Напомнить вам сказочку про Крысолова? Он ведь тоже детишек из города увел. Это – три!

Что? Хватит мистики? Вы не верите ни в бога, ни черта? А кто постоянно ищет «путь к храму», но только не к такому, как у всех, а индивидуальному, специально для вас? Кто пытается узреть Бога, но тоже лишь такого, который

устроил бы вас? Логическим путем, холодным рассудком вы уже вычислили, что вера, неважно какая, но ВЕРА должна быть, иначе человек обращается в зверя, не сдерживаемого никакими моральными ограничениями. Тем же холодным рассудком вы пришли к выводу, что грешить нельзя, ибо воздастся, но не Высшим Судией, а комплексом причинно-следственных связей.

Ну что ж, если вы вознамерились собрать для личного пользования религию из собственноручно изготовленных кусочков, как из деталей конструктора, то комплект этих деталей должен быть полным – извольте включить в спецификацию и черта. Тем более что его найти гораздо легче, чем Бога – он сам в любую дырку без мыла лезет, вы в этом только что убедились. Он исполняет ваши желания, сэр Майкл, даже не сформулированные, но плату берет не только человеческими жизнями.

Главная плата – превращение вашего сердца в кусок льда, как у вышеупомянутого Кая. Вас медленно, но верно подводят к тому, что нельзя ни мечтать, ни желать; только рассчитывать и планировать. Не так давно вы изволили объяснять мистеру Фоксу, что управление без идеологии – крышевание, беспредел и бесчеловечность. А что такое идеология в обычных человеческих понятиях, без формализации с точки зрения сухих теорий? Да очень просто – мечты и желания! Что такое цель? ЖЕЛАЕМОЕ положение вещей. Что такое идеальная цель? Нечто недостижимое, но к чему надо постоянно стремиться, о чем можно и нужно МЕЧТАТЬ!

Вот от чего хочет заставить вас отказаться эта часть «набора деталей конструктора». Нет, отсутствием цели и стремления к ее достижению вас не возьмешь – против этого восстанет и эмоциональная, и рациональная составляющие вашей личности, а вот подменить цель – это запросто. Личный успех! Все в порядке: идеология есть, управленческий беспредел ограничен некими рамками. Вместо пустых мечтаний и дурацкой романтики – четкие планы и расчеты, обстоятельства – шахматная доска, люди – фигуры на этой доске. И цель благородна – спасение Руси от татаро-монгольского ига.

Только вот, сэр, напрягите-ка память. Как-то, не так уж и давно, вы, глядя на Дударика, сказали себе: «Коллекционируй счастье в детских глазах».

Было? М-да, припоминаете, но уже с трудом. Сейчас-то вас больше радует готовность к бою в глазах мальчишек. А совершенно естественное поведение детишек княгини Агафьи, оказавшихся в центре толпы железных чудищ без лиц,

убивающих и калечащих живых людей… Что? А как, по-вашему, вы со своими опричниками в доспехе и с лицами, закрытыми бармицами, выглядели в детских глазах? Вот именно! И этот совершенно естественный детский страх, даже ужас, вызвал у вас всего лишь раздражение, не более того.

Ну как, чувствуете, что вас засасывает идеология личного успеха? А не за ее ли насаждение вы так ненавидели ТАМ дерьмократов-либерастов? Что? Отец Михаил? Ага! Вспомнили, наконец-то! Схватились, как утопающий за соломинку, и совершенно зря! Да, зря. Не соломинка это, а основа основ! Он не учил вас отторгать желания, мечты, эмоции, он учил вас УПРАВЛЯТЬ ими! И был прав! Да-да-да! Тысячу раз «да»! Он сумел не оставить после себя тяжкой пустоты, он и сейчас с вами, и будет с вами до конца жизни. Возможно, это и есть святость, не нам судить…

А есть еще и Великая волхва Гредислава Всеславна. Она говорила вам, сэр, о «цели на всю жизнь» – о мечте! А вы-то обрадовались, что Аристарх-Туробой показал вам способ скрутить ее в бараний рог. И Юлька… сколько чувств и желаний она в вас пробуждает, а вы испугались ее! Сестры, братья, мать… мальчишки, готовые идти на смерть по вашему слову! Они для вас тоже фигуры на доске? Дед… да, он заставляет вас рассчитывать и планировать, но он же и любит вас!

Все!!! Хватит!!! Прекратить истерику!!!»

Мишка до боли, так, что сам охнул, закусил зубами палец на левой руке, мог бы – дал бы сам себе в морду, чтобы прекратить бешеный поток мыслей. Это была паника, именно паника и ничто иное, но гибель Егора, каким бы тяжелым ударом она ни являлась, не должна была повергнуть его в такое состояние: свои сильные и слабые стороны он знал. Значит, имелось что-то еще – более серьезное, из-за чего подсознание било тревогу, но рассудком это еще не понято. Отсюда и паника: есть опасность, очень серьезная, он ее пока не замечает, только что-то такое чувствует. Результат – метание мысли: то в мистику тянет, то в воспоминания (исключительно неприятные) из ТОЙ жизни, то цепляется за светлые образы. Так ребенок, испугавшись чего-то, даже не понимая, чего именно, первым делом кричит: «Мама!»

Это свое свойство Мишка знал очень хорошо – если постоянно всплывают в памяти неприятности из прошлого, значит, в настоящем что-то идет не так. Смерть Егора лишь повод, на самом деле это «не так» связано с чем-то другим.

«Что «не так»? Что-то в недавнем прошлом? Вполне может быть, даже скорее всего – какая-то мелкая, но существенная деталь или обстоятельство, на которое вы, сэр, не обратили внимания или отложили «на потом» и забыли? Хотя может быть и наоборот: что-то неприятное предстоит в будущем, но об этом не хочется думать? Блин, ничего в голову не приходит, но «звоночек» недвусмысленный, пренебрегать им ни в коем случае нельзя! Посидеть, подумать, прогнать в памяти недавние события… в этой суете хрен получится! Дождаться ночи, поговорить с мистером Фоксом? Да, раньше ночи, пожалуй, не выйдет.

А сейчас заниматься тем, чем и собирался. Даже если что-то неверно спланировано, лучше неправильное действие, чем бездействие – железное правило! Неправильное действие можно впоследствии скорректировать, а если ничего не делать и ждать «озарения», то события станут развиваться самостоятельно, без вашего контроля, и неизвестно, куда все вообще заедет. Значит, действуем в соответствии с имеющимся планом».

– Минь… Господин сотник, дозволь обратиться, старшина Дмитрий! – прервал Мишкины раздумья голос Митьки.

– М? Чего, Мить?

– Не получилось у нас живым его взять… ребята сквозь камыши на шум стреляли. Ну и… того.

– Кого «его»? – Мишка натужно возвращался в реальность после «наезда внутреннего собеседника».

– Этого… боярина Левшу. Он там лодку припрятал… ловко так, даже с дерева разведчики не углядели. И где взял-то…

– Где-где… – недовольно пробурчал Мишка. – Они же на княгинину ладью на лодках напали, вот, видать, одну с собой и приволокли. Похоже, Левша не зря к берегу рвался – бросил бы заложников в камышах, а сам со своими людьми в лодку – и поминай как звали. Лодка-то велика? Шестеро в нее поместились бы?

– Да и больше поместилось бы… только далеко ли они без припаса…

– Неважно! Главное, что ему было куда стремиться. Если лодка большая, могли и княгиню с собой уволочь. Без детей, конечно.

– Ага… но мы-то им не дали! Слушай, Минь, а чего теперь-то делать будем? Надо, наверное, к ночевке готовиться. Я отрокам прикажу…

Неожиданно Мишка не то чтобы перестал слушать то, что говорил ему Дмитрий – нет, доклад старшины деловито фиксировался какой-то частью мозга – но в сознании вдруг четко и ясно, словно и не им самим подуманное, а кем-то подсказанное, всплыло ответом на все его недавние метания и сомнения:

«Да раскрой ты глаза, управленец долбаный! Желай, мечтай, верь!!! Управляй, но не фигурами, а людьми, которые живут сейчас, а не в том светлом будущем, которое у тебя либо получится, либо нет. Сумей заставить их верить в то же, во что веришь сам, дай им цель, ради которой стоит не только умирать, но и жить! Иначе дерьмо ты, а не управленец!»

– Ты не знаешь, у нас чего-нибудь вкусненькое есть? – перебил он старшину. – Ну, чтобы детишек побаловать.

От такого зигзага мысли сотника Дмитрий слегка растерялся:

– Это… не знаю. У Ильи-то в обозе, конечно, есть, но до него добираться же…

– А тут? Ни у кого ничего нет?

– Э… О! У Мотьки наверняка есть мед! – догадался Дмитрий. – Только ему Левша, зараза, нос вроде бы сломал. Не до медов ему…

– А все же спроси, Мить. Очень нужно!

Глава 3

Идея была проста: пока княгиня возится с боярыней Соломонией, подкатиться к детишкам; ну не посмеют няньки противиться. Угостить лакомством, успокоить, мол, никому больше в обиду не дадим, скоро домой отвезем; потом развеселить как-нибудь – ведь получалось же с Нинеиными внучатами. Услышит княгиня Агафья детский смех, увидит довольные мордашки, глядишь, и разговор с ней по-доброму сложится. Какая бы она ни была крутая княгиня-соправительница, а мать есть мать – дети важнее всего.

Было, конечно, в этом что-то… некрасивое – использовать детей в своих целях, но самим-то детишкам от этого никакого вреда. Вот только голос… Мотькино полоскание и то ли компресс, то ли просто теплая повязка согрели горло, и Мишке немного полегчало; во всяком случае, говорить, хоть и совсем негромко, он мог почти без саднящей боли.

Все планы порушила «то ли княжна, то ли не княжна»: выбралась из дома, боязливо покосилась на Дмитрия, который раздавал какие-то указания отрокам, и подалась к Мишке.

– Пан Лис…

– Слушаю, княжна… прости, – Мишка притронулся к повязке на горле, – не могу в полный голос говорить.

– Я не княжна.

«Ну вот, облом… Впрочем, может, и к лучшему. Но почему все-таки «пан Лис?»

– И я не пан, и не Лис. Боярич Михаил, – Мишка вежливо склонил голову, – сотник Младшей дружины Погорынского войска. Прости, не знаю, как величать тебя, красна девица.

– Не Лис? Ой, боярышней Евдокией зовусь, – девица ответно поклонилась и указала на щит с изображением «лиса, несущего сияющий крест». – А как же это? Наставник наш отец Паисий сказывал, что есть у ляхов боярин, нечистого зверя на своем знамени имеющий[5 - Такой герб в Польше того времени действительно существовал.]. Вот я и подумала…

– Ну почему же нечистого? В Писании в «Пророчестве о Вавилоне» вовсе и не лисы упомянуты, а шакалы. Просто ошибка при переводе с греческого на наш язык произошла, шакалы-то у нас не водятся, вот и написали «лисы», а на самом деле там так сказано, – Мишка, в который уже раз, мысленно поблагодарил отца Михаила за науку, – «Шакалы будут выть в чертогах их, и гиены – в увеселительных домах».

– Ошибка?! В Писании?!!

Удивление и возмущение Евдокии оказались настолько велики, что Мишке невольно вспомнилась старшеклассница из фильма «Завтра была война»: «Как можно спорить с самим Маяковским?!!»

«Вот так, сэр Майкл, века и тысячелетия проходят, а девочки-отличницы не меняются! Меняются только непререкаемые авторитеты: у этой – Писание, у той – Маяковский, а у постсоветских, наверное, Солженицын… Или у них какой-нибудь гламурный журнал вместо Писания? Хочешь не хочешь, а вспомнишь: “Не сотвори себе кумира”».

– Да не в Писании ошибка, а толмач переврал. Или постарался, чтобы нам, про тех шакалов не ведающих, понятнее было. Так что не пан Лис я и не лях вовсе. Туровские мы.

– А как же… ведь отец Паисий сказывал… и Лис у вас намалеван…

«О, Господи! Ну, девки… порожденья крокодилов! Вот так и поймешь, почему Пушкин был противником женского образования».

– Я тебе, боярышня, потом объясню, прочему у нас лис на щитах. Тебя ведь с делом каким-то ко мне послали?

– Ой, да! Княгиня Агафья Владимировна велит вашему старшему к ней явиться.

– Ну, велеть она может… Гм, ладно. Передай, что скоро буду.

– Она велела немедля!

– Угу. Как только, так сразу.

– А? – не поняла Евдокия.

– Скажи, что внял и не замедлю явиться пред княгинины очи. Только вот нужные распоряжения отдам и сразу приду.

– Княгиня Агафья… – начала было снова боярышня, но Мишка набычился и, уставившись ей в глаза, шевельнул искалеченной бровью.

– Ступай. Передай княгине, что прибуду немедля, как смогу!

Девица, кажется, обиделась: поджала губы, вздернула подбородок и, развернувшись на месте, засеменила к двери. Ну, прямо тебе оскорбленное достоинство во плоти. Мишка чуть не сплюнул вслед. Знаком подозвал к себе ближайшего отрока и велел сыскать Елисея и Елизара, чтобы бросали все и бежали к нему.

Пока дожидался близнецов, отроки Артемия вытолкали из дома какого-то мужика с разбитой в кровь мордой и в разрезанной от ворота до рукава одежде. В прорехе виднелась кровавая полоса на теле: похоже, кто-то пытался перехватить ему горло ножом, но то ли не дотянулся, то ли сам мужик успел отшатнуться…

– Артю… – Мишка поумерил голос, – Артюха, это еще что за диво?

– Лях, под лавкой схоронился, где раненые лежат. Там угол темный, ну вот он, видать, и… того. Вон, гляди! – Артемий указал на разрез на одежде мужика. – Зарезать его, похоже, хотели, да вывернулся как-то. Ну, а морду… это уже мы, чтобы не рыпался.

– Ладно, с ним потом разберемся. Вы там хорошо все посмотрели, больше никто по темным углам не прячется?

– Нет, Минь, все проверили. Там только княгиня со своими да раненые… Все без памяти, а один уже помер, – Артемий обмахнул себя крестным знамением. – А княгиня-то грозна… раненых велит наружу выкинуть, все равно, мол, помрут… а еще про тебя спрашивала: кто, да что, да откуда?

– И что ты?

– А что я? Ты же не говорил, что можно рассказывать, а чего нельзя, вот я пеньком и прикинулся: мне велено только дом от посторонних очистить, а потом господин сотник сам придет и все, что надо, скажет.

– А она?

– Сердитая… даже вроде бы кинуться в меня чем-то хотела, да под руку ничего не попалось.

– Господин сотник, отроки Елизар и Елисей по твоему приказу явились!

«Ну, прям Электроники! И такие же белобрысые… Ладно, придется изображать господина сотника со свитой».

– Вольно, отроки! – Близнецы дружно приоткрыли рты, то ли удивляясь тому, как тихо говорит начальство, то ли прислушиваясь. – Быстренько почиститесь, приведите себя в благообразный вид, шлемы снимите… гребешки с собой?

– Нет, господин сотник, в сумке у седла. Сбегать?

– Артюш, а у тебя гребешка с собой, случайно, нет?

– Есть, – Артемий полез в кошель, висящий на поясе.

– Дай им причесаться, а ляха этого держи под присмотром, потом поспрашиваем. Только сам не уходи, впереди пойдешь, вроде как дорогу мне показываешь.

– Теперь вы, – Мишка принялся инструктировать причесывающихся и отряхивающихся отроков. – Подшлемники уберите… ну вот, хотя бы в подсумки. Шлемы держать на согнутой руке вот так. Помните, что я вам говорил на Княжьем погосте? Сейчас пойдем к княгине Городненской, так что ведите себя благообразно. Стоять по бокам от меня и чуть позади. Я поклонюсь – и вы кланяйтесь, я на колено опущусь – и вы так же, как и я. В разговор не встревать… впрочем, вежество вы и сами понимаете. Так, причесались? Ну-ка дай мне гребень.

Мишка поправил прически близнецам и принялся причесываться сам.

– Артюш, как я выгляжу?

– Красавец! Хоть под венец!

– Поскался-поскался у меня… вот в ухо-то заеду. Серьезное дело – с княгиней беседовать идем.

– А что? Еще и лучше! Вдруг она красотой твоей несравненной прельстится?

У Мишки Артюхины шуточки ничего, кроме злости, не вызвали, а тут еще кто-то из близнецов фыркнул по поводу комплимента внешности сотника.

– А то! Кхе-кхе-кхе-е… – Мишка позабыл о сорванном голосе. – Егора убили! А ты мне тут…

– Что?! – ухмылку с лица поручика как ветром сдуло. – Как же мы теперь?..

– А вот так! Самим все придется, ни подсказать, ни удержать от дури некому. Дожили до светлого денечка, вольные птицы теперь… Что, нравится тебе такая воля?

Не дожидаясь ответа от растерявшегося Артемия, Мишка обернулся к близнецам.

– Ты, Елисей… – поправки не последовало, значит, угадал имя в этот раз правильно, – видишь, у меня с голосом беда? Так что, если княгиня плохо

расслышит, станешь повторять сказанное мной громко и явственно. Понял?

– Так точно, господин сотник!

Мишка снова обернулся к Артемию, собираясь отдать команду, но запнулся – недавней растерянности в лице, позе и движениях поручика не осталось и в помине: Артюха был строг, сосредоточен и торопливо оправлял на себе пояс, сдвигал на место подсумки, даже попробовал, как выходит из ножен кинжал. Одним словом, демонстрировал полную готовность к любому повороту событий. Жестом указав отрокам, сопровождавшим пленного ляха, отвести того в сторону, он обернулся к Мишке, принял стойку «смирно» и осведомился:

– Прикажешь вести, господин сотник?

«Ну, парень-гвоздь! На всех бы так свалившаяся ответственность действовала!»

– Веди. Елизар, Елисей, идти в ногу, по сторонам от меня и на шаг позади!

* * *

К разговору с княгиней Агафьей Мишка готовился заранее, так же как и к разговору с князем Всеволодом Городненским, но получалось это заметно труднее. О князьях Мишка, худо-бедно, некоторое представление имел. Пусть превратное, пусть никак не связанное с его собственным жизненным опытом, а сформированное исторической литературой, как художественной, так и специальной, но имел. Кроме этого, имелся еще и некоторый опыт общения с мужчинами во власти: партаппаратчиками, чиновниками, секретарями обкома, членами ЦК КПСС, министрами ельцинской РФ, депутатами различных уровней. Да, никто из них не был потомственным аристократом, но все-таки власть. А вот с женщинами…

ТАМ Михаил Ратников был знаком с женщиной – секретарем Ленинградского обкома КПСС, а в депутатские времена довелось пообщаться и с главой «Женской партии», и с лидером Демроссии, и еще с несколькими «карьерными дамами». Из этого общения он вынес твердое убеждение: «женщины во власти» отличаются от женщин обыкновенных по меньшей мере двумя особенностями. Первое: чтобы достичь таких же карьерных результатов, что и мужчина,

женщине надо знать минимум вдвое больше, а сил затратить, наверное, вчетверо больше. Второе: в пиковых ситуациях «женщины во власти» не склонны к панике или истерикам и не ищут возможности спрятаться за мужскую спину – справляются сами, демонстрируя твердость и здравомыслие на зависть многим мужикам; при этом чисто женские приемы используют не эмоционально, а расчетливо, как весьма действенный инструмент. Однако экстраполировать эти знания на княгиню Агафью?

Во-первых, никакой карьеры она не делала: все, как и положено аристократке, досталось ей по праву рождения. Это позволяло предположить, что, не пережив тех унижений и трудностей, которые приходятся на долю сделавших успешную карьеру женщин, она не превратилась в законченную стерву, мстящую всем окружающим за пережитое.

Во-вторых, не должно бы у княгини быть того страха, который преследует «карьерных» женщин – страха в одночасье потерять все, что достигалось долгими годами. Не могут Рюриковну выкинуть и забыть, не посмеют подонки, ранее лебезившие перед ней, отыгрываться за прежние обиды и собственную зависть, тешить свои комплексы за счет проигравшей, да и не посмеют ее «убрать», как ненужного свидетеля, те, кто удержался наверху. Да, этого всего прирожденная аристократка или совсем не опасалась, или опасалась гораздо меньше, чем выбившиеся наверх карьеристки.

Могла, конечно, Агафья овдоветь, могла лишиться городненского стола, могли с ней произойти и другие неприятности, но братья Мономашичи, да и другие Рюриковичи, оберегая свой статус, и ей не дали бы скатиться на самое дно. И даже если жестокая судьба загнала бы ее за монастырские стены, все равно жизнь у нее оказалась бы легче, чем у рядовых послушниц или монашек. Из этого обстоятельства следовало, что право повелевать представлялось Агафье естественным, не вызывающим сомнений, равно как и иные привилегии аристократки, которые она могла потерять только вместе с жизнью.

«Но эта железобетонная уверенность в своих правах при определенных условиях из плюса легко может превратиться в минус. И ваша, сэр Майкл, задача – эти условия создать».

Соответственно строились и ее отношения с мужчинами: только очень немногим она должна была подчиняться (и то многое зависело от обстоятельств), большинство же ОБЯЗАНО подчиняться ей. Или хотя бы выказывать почтение и

готовность к повиновению. То есть в случае опасности вопрос «прятаться ли за мужскую спину или справляться самой» перед Агафьей просто-напросто не стоял – ее обязаны защитить! Иными словами, Мишка со своими отроками, освободив княгиню из плена, вовсе не оказал ей никакого благодеяния, а просто выполнил свой мужской и служилый долг.

Нет, какую-то награду он, конечно же, заслужил, но…

«М-да, сэр, и опереться-то, кроме художественной литературы, вам не на что. Обидно, конечно, но не досадовать же, подобно дону Румате Эсторскому, на отсутствие в учебной программе курса придворной интриги? «За неимением гербовой…», как говорится…

Что там у нас первым делом приходит в голову? Анна Австрийская? Не натуральная, разумеется, а из романа «Три мушкетера». Ну что ж… д’Артаньян, когда притащил ей из Англии подвески, что получил? Именно! Перстень с бриллиантом, причем не лично, а через камеристку. А граф де Ла Фер, когда намекнул, что сопровождал своего друга в Англию? Совсем другое дело! Никакого «материального поощрения», но удостоился приватного разговора и получил испрашиваемую помощь!

В чем разница? А в том, что д’Артаньян всего лишь нищий безбашенный гасконец, для которого предел мечтаний – место рядового мушкетера, а граф де Ла Фер – аристократ, которому и офицерского патента в том же мушкетерском полку недостаточно. Так кем же вы, сэр, хотите нарисоваться перед княгиней Городненской – д’Артаньяном или Атосом? Ах да! Пардонэ муа, по возрасту вы тянете не более чем на виконта де Бражелона, но ведь все равно, разница-то существенная!

Итак, если вы собираетесь изобразить из себя, как выражался незабвенный профессор Выбегалло, «шевалье де сан пер э сан репрош», придется и перед княгиней светить свое родство с Рюриковичами, никуда не денешься – средневековье-с! Однако делать это надо не так, как с князем Всеволодом – «я роду не худого, и не надо со мной, как со смердом обращаться», а изобразить из себя «юного Атоса»: «Поступаю так, как предписывает мне мой статус, и никто, даже сюзерен, не может требовать от меня иного».

Что положено Атосу, то д’Артаньяну не светит. В переводе на язык родных осин, сэр: «Забудьте о выкупе, но позаботьтесь о таких вроде бы эфемерных, но весьма существенных категориях, как связи и положение».

Вот и цель переговоров обрисовалась: добиться появления в информационном поле Мономашичей (ну, хотя бы одного только Вячеслава Туровского) такой фигуры, как боярич Михаил, которому как-то неудобно подать «рупь на водку», а затем забыть о его существовании. Риск? Несомненно: возле князей – возле смерти. Но стартовая позиция очень нехреновая, а это – ресурс, да еще какой! Правда, возраст… но, как говорят мастера единоборств: «Если ты выше противника ростом, это преимущество, а если ты ниже противника ростом, то это тоже преимущество!»

«Помимо всего прочего, уважаемый сэр, не забывайте, что княгиня тоже управленец, причем очень не хилого уровня. В привычных вам терминах она, конечно, не мыслит, но это не повод сбрасывать со счетов ее профессиональные навыки. А посему озаботьтесь, чтобы все сигналы, которые она будет получать от вас на протяжении разговора, читались ею совершенно недвусмысленно. Агафья должна быть стопроцентно уверена, что вы – живой и невредимый на посту сотника Младшей стражи – ей гораздо выгоднее, чем вы же, но посаженный в поруб в Городно или прирезанный втихаря кем-нибудь из княжеских спецов «по особым поручениям».

Отсюда и соответствующая стратегия разговора. С князем, конечно, пришлось проще: пугнуть, выдвигая на передний план его беспомощность раненого пленника и попутно напустив мистического тумана, а потом, пока у него «кипит разум возмущенный», натолкнуть на нужные мысли, которые тот посчитает своими. С княгиней же посложнее…

С женщинами вообще сложнее, а тут ведь требуется не только добиться своего, но и заслужить хорошее отношение. Ни красота (хотя какая красота с вашей-то рожей, сэр, да еще на фоне Елисея и Елизара), ни ум, ни обаяние, ни элегантность с куртуазностью тут не прокатят. Женщине во власти нужны: первое – полезность, второе – предсказуемость и управляемость, чтобы этой полезностью можно было воспользоваться.

Значит, никакой мистики, никаких непоняток. Открыто и прозрачно: восторженный пацан, воображающий себя «рыцарем в сверкающих доспехах», распираемый гордостью от того, что он боярич, родственник правящей династии и сотник в четырнадцать лет, но (НО!), при этом ничуть не сомневается в своих аристократических правах, так же как и княгиня Агафья; правах поскромнее, чем у князей, но столь же непреложных».

Вот такого «бойцового петушка» княгиня поймет и примет в полной уверенности, что сможет крутить им, как ей заблагорассудится. Вот о таком Агафья в разговоре с братьями отзовется снисходительно-доброжелательно, а в разговоре со снохой – Ольгой Туровской – даже могут дуэтом и похихикать, мол, забавный зверек, и приручить его полезно.

«Ну, что ж, сэр, глаза горят, усы, несмотря на их отсутствие, топорщатся, шпоры, которых тоже нет, звенят. Вперед!»

* * *

Дом и внутри был таким же непонятным, как и снаружи. Видно, когда-то его разгородили на множество клетушек, но сейчас перегородки то ли сломали, то ли они сами развалились, во всяком случае, прямо у входа свободного места хватало. Посреди помещения располагался длинный очаг, примерно такой, какие Мишка видел в кинофильмах о викингах. Дальний конец дома был все же отгорожен; кажется, несколько выгородок все-таки уцелели – от входа не разобрать.

Мишка в сопровождении «пажей», на ходу, чтобы привести себя в надлежащее состояние, повторял, как мантру, слова Нинеи: «Ощути себя наследником древнего рода, продолжателем дел славных предков, частицей великого народа славянского, внуком Божьим…»

Княгиня Агафья сидела на чем-то, покрытом шкурой, кажется, лосиной, прямо под раскрытым волоковым окошком так, что ее лицо оставалось в тени, а находящийся перед ней собеседник оказался бы весь на свету.

«Угу, приготовилась. Знаем мы эти штучки».

Артемий, заскочивший вперед, сначала сверхпочтительно произнес:

– Изволь сюда пройти, господин сотник, – потом прямо-таки возгласил на манер мажордома: – Сотник Младшей дружины Погорынского войска боярич Михаил сын Фролов из рода бояр Лисовинов!

Мишка с близнецами, четко печатая шаг, дошел почти до самого торца очага, остановился, акцентированно приставив каблук к каблуку, затем, прямо как на плацу, изобразил полуоборот направо. Близнецы следовали за ним, точно копируя движения. Какой-нибудь старшина-строевик, возможно, даже умилился бы от такой слаженности – прямо-таки не строевой экзерсис, а музыкальная фраза в исполнении трио виртуозов!

Выждав пару секунд, Мишка опустился на левое колено – на сгибе правой руки шлем, ладонь левой руки на рукояти меча не позволяет кончику ножен коснуться пола; на мгновение склонил голову, почти прижав подбородок к груди – сделать это как положено помешала повязка на горле, потом, глядя в упор на княгиню, произнес:

– К услугам вашей светлости!

– Что?

Не то чтобы Агафья не расслышала Мишкиных слов – в доме было тихо, но слишком уж необычным оказалось обращение. Елисей же понял ситуацию по-своему и, в полном соответствии с полученными инструкциями, громко повторил:

– К услугам вашей светлости!

Не дожидаясь ответа, Мишка, а с ним и близнецы, поднялся на ноги. Княгиня некоторое время озадаченно помолчала, а потом, видимо выполняя заранее продуманный план, грозно вопросила:

– Почто вежество не блюдешь, земно не кланяешься?

– Воинское коленопреклонение вежеством земному поклону не уступает, однако, если вашей светлости угодно…

Мишка склонился в поклоне так, что если бы не были заняты руки, сумел бы коснуться пальцами земляного пола. Вместе с ним склонились и близнецы, а Елисей, еще не успев выпрямиться, начал:

– Воинское коленопреклонение…

– Да слышу я, слышу, не глухая!

Агафья отмахнулась, как от надоедливой мухи, и Елисей умолк на полуслове.

– Ты как меня назвал?

– Издавна у славян князья именуются светлыми, отсюда и светлость. Обращение же на «вы» есть сугубое вежество, надлежащее при разговоре с тем, кто владеет правом говорить не только от себя, но и от множества своих подданных. Посему – ваша светлость.

– Хм… – княгиня явно не нашлась, как реагировать на Мишкин пассаж, шевельнулась, усаживаясь поудобнее, набрала в грудь воздуха… – Да ты… вежеству меня учить вздумал, сопляк?!

«Ага, решила все-таки придерживаться скандального тона. Видимо, думает, что придется торговаться насчет размеров выкупа, и пытается заранее давить на психику».

– Как можно, ваша светлость? Веду себя так, как наставники учили.

– М? Какие такие наставники?

«Ну что, мадам, не получается скандальный тон выдерживать? А как вы себе думали? «Удивить значит победить»! Сейчас я вам еще одну загадочку подкину».

– Воевода Погорынский боярин Кирилл Лисовин, посадник княжий боярин Федор, иеромонах Туровской епископии Илларион, богемская графиня Палий… Люди все уважаемые в искусстве вежества, а также в куртуазных правилах весьма искушенные!

«А вы, мадам, хоть и пребываете ныне в статусе вроде жены председателя райисполкома в медвежьем углу, в столице-то обитали, да и по-польски трындите, как я заметил, без проблем. Следовательно, о европейской куртуазности хотя бы слыхали, хоть краем уха. Зря, что ли, я богемскую графиню приплел? Ну что, и дальше будете городничиху изображать?»

Агафья оказалась бабой упертой (недаром же соправительница при муже) и после небольшой паузы, снова слегка поерзав, опять попыталась наехать на Мишку, но теперь с другой стороны:

– Ты о чем думал, молокосос?! А если бы твои стрелки в кого-то из детей попали?

– Не попали бы. Стрелки у меня хорошие, некоторые даже на звук…

– Да плевала я, какие у тебя стрелки! Ты детьми рисковал!! Княжьими!!!

– Не было риска, ваша свет…

– А если бы попали?

– Но не попали же, даже близко…

– А если бы все же попали?

А вот это надо было уже прекращать, причем самым решительным образом. Еще ТАМ Мишка убедился, что вот таким «если бы» собеседника долбят либо при отсутствии других разумных аргументов, либо провоцируя на опрометчивый, чреватый серьезными неприятностями ответ. Тут есть только два выхода: либо юлить и выкручиваться, либо ответить так, чтобы вопрошающему тошно стало. Юлить и выкручиваться Мишка не собирался – не та ситуация.

– А если бы хоть в одного ребенка попали, я бы приказал перебить вас всех, а потом свалил бы все на полочан или ляхов. Да и вообще: кто знает, что мы тут были? Покойники – люди неразговорчивые!

«Хватит пар в свисток выпускать, пора переходить к делу. Рискованный, конечно, шаг, но как промежуточный посыл в нужном направлении он должен сработать, а негативные тенденции потом выправим…

Атос, конечно, себе такого никогда бы не позволил, но куда денешься, жизнь – не литература».

Наверное, если бы Мишка еще раз дал княгине по затылку, она и это перенесла бы легче, чем то, что он сказал. Агафья хватала воздух широко разинутым ртом, будто ее окатили ушатом холодной воды, а Мишка уставился на нее исподлобья и в придачу двинул искалеченной бровью – он давно уже выяснил, какая у него от этого делается рожа. И тут княгиня испугалась. Вовсе не потому, что Мишка выглядел так уж страшно (куда ему до Бурея!), и не потому, что вместе с детьми попала из одних чужих рук в другие; не чужаки ведь – полочане или ляхи, а туровские – подданные ее родного брата. Все было проще, но куда опаснее – она оказалась в руках мальчишек!

Поведение взрослого человека с той или иной долей уверенности можно предвидеть, намерения понять, свои слова и действия как-то подо все это подстроить, а представить себе, что может в следующую минуту торкнуть в мозги подростку… Да он и сам не представляет! А подростки-то в доспехах и при оружии, и только что вполне уверенно расправились с похитителями княжеской семьи! И они, как успела заметить Агафья, беспрекословно подчиняются вот этому бояричу Михаилу, который старательно играет в благородного рыцаря, скорее всего выдуманного им самим на основе рассказов наставников.

В том, что это именно игра, сомневаться не приходилось – женский, да еще и княжеский глаз не обманешь! А ну как наскучит мальчишке игра или пойдет не так, как ему хочется? Возьмет, да и поломает игрушки по злобе или подростковому легкомыслию. Но игрушки-то – живые люди: сама Агафья, дети ее, прочие пленники! А он… ишь, как рожу-то покривил… сейчас как кликнет своих щенков, так стаей и накинутся…

Не то чтобы Мишка читал на лице Агафьи все эти мысли – княгиня все-таки, лицом владеть умеет – но примерно догадывался, а следующая фраза собеседницы его догадки подтвердила:

– А взрослый-то кто-нибудь с вами есть?

«У-у, матушка, там перед домом ты, видать, совсем с перепугу обалдела – даже не заметила, как мимо Егор со своими людьми проскакал! Ну, тем лучше».

– Был, ваша светлость. Десятник Старшей дружины Егор приставлен к нам воеводой Погорынским для надзора и поучения. Он с тремя десятками моих отроков за вашими обидчиками погнался, что на ладье сбежать вознамерились. Только что гонец оттуда прискакал. Ладью, на которой вашу светлость тати захватили, отбить удалось, но сам десятник Егор при этом погиб. Царствие ему Небесное и вечная память, искусный был воин и наставник мудрый.

Мишка перекрестился, княгиня тоже, но было заметно, что мысли ее далеки от чего-либо возвышенно-божественного.

«Вот такая, княгинюшка, заковыристая ситуевина: надзирать за нами больше некому, придется как-то выкручиваться самой. Ну, мадам, напрягите то место, которым думаете! Вы же зрелая женщина, мать нескольких детей, аристократка, в конце концов! Неужели пацана вокруг пальца обвести не сможете? Дерзайте, Ваша Светлость, клиент сам в руки упасть готов. Ну же! Если до вас, наконец, дошло, что вы имеете дело с кучей мальчишек, уже попробовавших крови, а их вожаку нравится играть в благородного рыцаря, у вас только один надежный и почти беспроигрышный ход – подыграть ему».

Агафья, похоже, пришла к тому же выводу, а может быть, вовсе не анализировала ситуацию так, как представлялось Мишке, а принялась действовать на основе женской интуиции и впитанных с детства правил поведения при княжеских дворах. Она окинула взглядом Елисея с Елизаром (кажется, впервые взглянув на них внимательно), чуть заметно шевельнула губами, видимо, оценив их благообразие и одинаковость, и повелела:

– Найдите-ка, ребятки, на что вашему сотнику присесть.

Близнецы и не подумали шевелиться, пока от Мишки не последовало негромкое: «Исполнять» – потом сунулись туда-сюда и выволокли из угла грубую и весьма непрезентабельного вида скамью. Пристроили ее напротив княгини, впритык к очагу и сами замерли возле ее концов.

– Присядь, боярич Михаил, – в голосе Агафьи не осталось и намека на скандальность.

«Браво, сэр Майкл! Ее светлость изволили принять условия игры! Только не вздумайте вообразить, что вы уже выиграли. На вашей стороне знание галантной обходительности, начиная с рыцарских романов и кончая анекдотами о поручике Ржевском, а на ее – княжеское воспитание и опыт управления, да не просто управления, а совместно с мужем. Она годами училась мужиками вертеть. Так что бдительность и еще раз бдительность!»

Мишка, стараясь держаться как подобает наследнику древнего рода, но не выглядя при этом «словно аршин проглотил», опустился на скамью (она, зараза, еще и шаталась), поставил ножны около левой ноги и положил ладонь на оголовье рукояти оружия. Агафья – вроде бы незаметно, но Мишка засек – следила за его манипуляциями с мечом.

«Ага, пытается понять, насколько вы привычны к оружию, сэр Майкл, и не только в бою, а вот так – «партикулярно»: не зацепитесь ли за что-то ножнами, легко ли сможете принять достойную позу. Хорошо, что не сразу заметил ее взгляд, а то непременно какую-то неловкость совершил бы. А так вроде бы все в порядке, действовал привычно, на автомате. Знающему человеку это говорит о многом: не из простых, держать себя с достоинством приучены сызмальства. Ну, начало, надо понимать, будет классическим – вопросы на тему: «кто ты, что ты и откуда».

– Из каких же ты Лисовинов будешь, боярич?

«Да, школа! С первого раза титулование запомнила и сразу же, первым же вопросом, пытается выяснить, велик ли род Лисовинов, много ли в нем ветвей».

– Из Погорынских, ваша светлость, земли нашего воеводства лежат промеж Горыни и Случи.

– А муромским Лисовинам вы кем приходитесь?

«Опаньки! А что, в Муроме тоже Лисовины есть? Нет, мать бы рассказала… Проверка! Блин, ну, началось путешествие по минному полю!»

– Не осведомлен, ваша светлость. Известная мне близкая родня у нас только в Турове, в Пинске и в Клецке. О муромских Лисовинах не слыхал.

– А я вот о клецких Лисовинах не слыхала, хотя всех там знаю.

«Ну, стерва, вот тебе еще один подзатыльник!»

– В Пинске и Клецке не Лисовины – Святополчичи.

* * *

Еще ТАМ, читая труды Гумилева, Михаил Ратников выстроил для себя (возможно, и неправильно) понимание того, почему столь трепетно относились аристократы, да и вообще дворяне, к своим родословным, почему своим происхождением гордились даже бастарды титулованных особ. Видимо, все началось еще в скотоводческих культурах, когда люди эмпирическим путем поняли законы наследственности. Знание это не потерялось с веками и в средневековье стало основой сословного обособления правящего класса и построения генеалогических древ.

Поначалу практика подтверждала правильность такого подхода: родоначальниками аристократических родов в подавляющем большинстве случаев становились пассионарии, а их потомки наследовали этот признак. Вот только не знали предки, что пассионарность из доминантного признака со временем может стать рецессивным; как говорится, «кровь разжижается». Да и условия жизни этому способствовали: когда обязанность скакать верхом в доспехе, размахивая чем-нибудь смертоубийственным, меняется на необходимость крутиться в придворных интригах, пассионарность становится не достоинством, а недостатком – хитрозадые «субы» и пассионарии низших уровней начинают выигрывать у принципиальных, а потому предсказуемых, пассионариев высших уровней.

Вот так и получилось, что во время Великой французской революции толпы аристократов вместо вооруженного сопротивления покорно шли на гильотину, а во время Гражданской войны в России во главе Белого движения не оказалось никого из великих князей или иных представителей самой высшей знати – либо эмигрировали, либо пошли под нож, как бараны. Да и вообще, вырождение европейских королевских и императорских фамилий стало «общим местом», не вызывающим сомнения.

Но ЗДЕСЬ, на Руси XII века, «качество крови» все еще имело важное, в некоторых случаях – решающее значение. Кровное родство с Рюриковичами могло запросто оказаться важнее, чем ум, энергичность или заслуги. Да, разумеется, свой статус требовалось подтвердить делом – XII век еще не то время, когда происхождение могло компенсировать слабость, как физическую, так и духовную; но и право на такое «подтверждение делом» человек получал прежде всего благодаря происхождению. Вот об этом-то своем праве и заявил Мишка всего одним словом: «Святополчичи».

В тот момент оно показалось ему необходимым, но оно же и стало тем спусковым механизмом, который запустил процесс, приведший к тому, что управлять событиями так, как он привык, Ратников уже не смог – оставалось только хоть как-то удерживаться в седле.

* * *

Удар попал в цель! Мишка понял это, когда заметил, как Агафья дрогнула лицом; разговор мгновенно вышел на совершенно иной уровень: с ней разговаривал не просто отмороженный подросток, а родич единственной, кроме Мономашичей, княжеской ветви, сохранившей формальное право на великокняжеский престол. Она – женщина из соперничающей династии – была у него в руках, а он, нисколько не смущаясь, уведомил ее, что запросто может вырезать всех пленников! Разумеется, шансов у Святополчичей не было, и убийство Мономаховны тут не помогло бы, а скорей повредило, но мало ли, что придет в голову подростку, вдруг да решит, что таким образом своей родне поможет?

«Огребла, княжья морда? Что у нас следующим пунктом последует? К гадалке не ходи – умасливание и улещивание. Баба, она и в Африке баба, хотя бы и княжьих кровей».

Мишка оказался прав: в ситуации, когда любой мужчина ответил бы на вызов, княгиня Агафья расплылась в сладчайшей улыбке и, словно не придав значения его словам, просто сменила тему.

– Да, вижу, боярич, что кровей ты добрых! Это ж надо, с мальчишками пойти против матерых татей и победить! Как решился-то?

– Отроки у меня не простые, ваша светлость! – Мишка старательно изобразил, что польщен комплиментом, только вот зарумяниться не получилось. – В воинской школе выучены и в боях уже побывали, да не по одному разу.

– В воинской школе? – кажется, Агафью неподдельно заинтересовало необычное название, или все же притворялась? – Это что ж за диво такое?

– Около века назад, ваша светлость, великий князь Ярослав Владимирович отправил в Погорынье сотню ратников. С тех пор так там и живем: язычников в трепете держим, волынский рубеж стережем да по княжьему слову в походы ходим. Вот уже шестое колено воинов сами воспитываем и обучаем.

На несколько секунд улыбка Агафьи стала словно приклеенной.

«Эге, сэр, похоже, ваши догадки о том, что Ярослав Мудрый братиков почикал, таки имеют под собой основание, вон как княгиню-то упоминание о нем зацепило. Тема-то «в елку» – Ярослав тогда соперников прибрал, а сейчас, наоборот, Мономаховна в руках у родича Святополчичей оказалась. Что-то неказисто у вас, сэр, получается… сами же решили – никаких запугиваний».

Агафья быстро овладела собой и снова «надела» на лицо выражение «ну, прямо мать родная».

– И тем не менее… Благодарствую за выручку и покарание татей, боярич. Храбрость и разумность твою вижу и ценю – не всякий, ой, далеко не всякий отрок на такое способен! Я добро помнить умею и отплачу за него сторицей… и опричь выкупа!

Мишка ответил на этот заход изображением оскорбленной невинности заодно с аристократической гордостью:

– О каком выкупе речь, ваша светлость?! Защита беспомощных и наказание злодеев – святая обязанность православного воина! Требовать за нее награду невместно!

– Но и мне-то неблагодарной оставаться тоже невместно! Воздаяние за доброе дело – такой же христианский долг, как и обязанности православного воина! Неужто у тебя, боярич, никакого желания нет, кое я исполнить бы могла?

Княгиня так повела глазами, что у Мишки сами собой подобрались пальцы на ногах.

«Сэр, это просто на грани открытого предложения секса! Вы прямо-таки обязаны смутиться и покраснеть! Хотя… это вы, пожалуй, со своим цинизмом загнули слегка… Какой секс? Дамочка-то наверняка и помыслить не может, что изъявление ее милости кто-то ТАК посмеет расценить. Она-то песика дворового по голове потрепала, не более. Так что живо виляйте хвостом изо всех своих щенячьих сил – сделайте тетеньке приятное».

– Высшая награда для меня – благоволение вашей светлости!

«Тьфу! Самому противно!»

– И только-то? Да ты скромник, боярич!

– Ну, еще… – Мишка изобразил колебания и яростную внутреннюю борьбу. – Еще добрые слова вашей светлости обо мне перед вашими братьями: его высочеством Вячеславом Владимировичем и его величеством Мстиславом Владимировичем.

«А не перегибаете палку, сэр? Высочество, Величество… как бы у бабоньки ум за разум не зашел. Впрочем, новые красивые титулы для нее, что новое украшение, а для женщины это одно сплошное удовольствие. Решила же она вашим тараканам в голове подыгрывать, а тут даже и напрягаться не надо».

– М? – Мишке, кажется, удалось удивить Агафью. – Ты столь предан Мономашичам?

– Да, ваша светлость! Прошедшей зимой я так князю Вячеславу Владимировичу и сказал: «Волкодав из чужих рук пищу не берет!»

– Ты разговаривал с Вячеславом? Как это ты сподобился?

– Имел честь, ваша светлость! На празднике проводов зимы я с отроками показывал в Турове воинское учение… ну, чему у нас в Погорынье воины молодежь обучают. Его Высочеству Вячеславу Владимировичу понравилось, и он меня златым перстнем одарил!

Агафья скользнула взглядом по Мишкиным пальцам.

– А что ж подарок-то княжий не носишь?

– Я за него холопа выкупил и, окрестив, по завету Господа нашего Иисуса Христа, даровал ему волю.

– Гм… Похвально, боярич, похвально.

«Все, сэр! Можете гордиться – вы в ее глазах полный идиот. Даже неудобно как-то… Вы-то ее игру насквозь видите, а она ваши выкрутасы за чистую монету принимает. Восторженный пацан, воображающий себя рыцарем, прямо как на картинке! Пожалуй, мадам уже дозрела до убеждения, что может вами крутить, как захочет. Ох и облом ей корячится… мама не горюй!»

– Ну что ж, – продолжила княгиня тоном, от которого «поплыл бы» любой подросток, – вижу, что мы теперь под защитой, хоть и молодого, но достойного воина… и истинного боярина!

Мишка потупился и свел раздвинутые до того колени, только что пол носком сапога ковырять не принялся.

– Могу теперь ни за себя, ни за детей не опасаться.

Мишка гулко сглотнул и шумно втянул носом воздух.

– И братьям о твоей доблести и разумности расскажу, – медоточивость голоса Агафьи превысила все мыслимые границы, – и воеводу Погорынского извещу о благодарности за прекрасное воспитание сына…

– В-внука… Ваша светлость… – в последний момент удалось удержаться от соблазна подпустить слезу в голос, но кто-то из близнецов-«пажей» растроганно шмыгнул носом и негромко звякнул кольцами доспеха.

– Внука? А батюшка твой?

– Десятник старшей дружины Погорынского войска Фрол Лисовин пал в сече на Палицком поле… – к концу фразы Мишка понизил голос почти до шепота.

– Так ты сирота… – княгиня подалась вперед и подняла ладонь, как бы собираясь погладить Мишку по голове, но сдержалась.

«Разрыдаться, что ли? На грудь ей… или лучше к коленям припасть? Нет, перебор, пожалуй, получится…»

– И ты преодолел все испытания, тебе ниспосланные, сотником стал…

Княгиня разливалась соловьем, Мишка делал вид, что не знает, куда деваться от столь ласкового обращения, а «пажи» – Елизар с Елисеем – громко сопели дуэтом и, казалось, вот-вот начнут растекаться, как масло на солнышке.

«Ну, сэр Майкл, ради такого стоило провалиться на девятьсот лет в прошлое! Когда это вы столько комплиментов из женских уст получали? Были бы они еще искренними, а то ведь театр сплошной… Но исполнение, позвольте вам заметить, отменное – в каждой бабе актриса сидит! Интересно, когда она решит, что клиент доведен до нужной кондиции, и можно начать приказывать восторженному мальчишке, который готов положить за нее и свою голову, и головы своих ребят? Ага! Вот, кажется, началось… издалека заходит мадам, осторожная дамочка. Впрочем, ничего удивительного – опыт совместного правления с мужем сказывается».

– А скажи-ка, боярин Михаил Фролыч…

«Быстро вскинуть восторженно-изумленные глаза!»

– …А не приходила ли тебе мысль на княжью службу поступить?

– Служить вам, ваша светлость, честь для меня великая и радость душевная!

– Хорошо сказал! Да и мне, ежели начистоту, такого боярина иметь тоже в радость.

– Приказывайте, ваша светлость!

– Вы ведь мою ладью у татей отбили?

– Так, ваша светлость, только проверить надо: в исправности ли она, не попортили ли ее тати.

– Ну, так вот: проверяй ладью, гони сюда и проводишь меня с детьми до Городно. А уж там и награда для тебя будет, боярин.

– Немедля все исполню, ваша светлость! – Мишка, демонстрируя готовность, вскочил со скамьи. – И как только укажет его светлость князь Всеволод Давыдович, доставлю вас в град!

– Это что же? – Агафья грозно сдвинула брови. – Тебе моего повеленья недостаточно?

«Внимание! Прокол или преднамеренность? Не отреагировать на имя мужа, не заинтересоваться, откуда он тут взялся… Пожалуй, намеренно – по идее, вы, сэр, должны на уши встать, чтобы опять ласковую улыбку на ее лицо вернуть. Какие уж тут пререкания. А вот фигушки! Но не форсировать – аккуратненько прикидываемся шлангом».

– Так ведь как же… – Мишка изобразил растерянность. – Без княжьего слова?

– Мое слово здесь – княжье! – надавила голосом Агафья.

– Но, ваша…

– Никаких но! – княгиня рявкнула не жиже матерого фельдфебеля на строевых занятиях. – Исполнять!

– Поперек князя?

– Ты только что МНЕ служить напрашивался!

– Но… – Мишка сделал паузу, словно подыскивал нужные слова, а потом процитировал: – «Муж любит жену, жена да убоится мужа своего».

Агафья открыла рот и… смолчала.

«Вот так! И никакие мы не мужские шовинисты, а просто христианское благочестие блюдем. Типа: баба, знай свое место, как от Бога указано. Ну-с, ваш антитезис, уважаемый оппонент?»

Чего стоило Агафье сдержаться, знала только она; впрочем, и Мишка тоже догадывался. Опыт соправительницы сделал свое дело: Агафья, скорее всего, не поняла, а каким-то «верхним чутьем» уловила – стоящий перед ней мальчишка знает что-то такое, что неизвестно ей, а какие ошибки может сотворить неинформированный (или недостаточно информированный) управленец, она прекрасно знала – наверняка немало шишек понабивала в первые месяцы или даже годы княжения в Городно.

– Ну-ка, сядь! – княгиня так лязгнула голосом, что «пажи» дружно вздрогнули. – Почему от князя слова ждешь? Ты с ним виделся? Он где-то рядом? Почему с тобой не приехал?

– Не гневайтесь, ваша светлость!..

«Больше раскаяния в голосе, сэр, жалобнее!»

– Моя вина! Сразу надо было все обсказать…

– Не тяни! Рассказывай!

«Э-э, далеко вам, мадам, до Нинеиного «рассказывай», ну, да ничего, тут и врать-то фактически не придется…»

– После похищения вашей светлости с детьми, тати потребовали от его светлости князя Все…

– Говори проще! Князь и все!

– Как будет угодно вашей…

– Ну!!!

– Тати потребовали от князя пропустить ляхов через городненские земли в туровские владения. И не просто пропустить, а сопроводить и помочь. Ему пришлось согласиться, чтобы…

– Понятно! – прервала Мишку Агафья и задумалась.

Подумать было о чем: ее муж пошел против родича и сюзерена. Вынужденно, но пошел. Без последствий такое не остается.

– Дальше!

– Мы ляхов в туровских землях встретили. Частью перебили, частью обратили в бегство. На северном берегу Припяти нагнали и могли изничтожить совсем, но вмешался князь Всеволод. Ляхи сумели уйти, но князя ранили стрелой в плечо.

– Не твои ли щенки постарались?

Какая, к черту, ласковость? Тон Агафьи был: «могла б – убила бы».

– Мы из самострелов болтами стреляем, а не стрелами…

«Оправдываетесь, сэр, из образа выходите. Породистый щенок должен не только хвостом вилять, но и зубы показывать. Хвостиком вы перед ней виляли, надо полагать, убедительно, зубы не только показали, но и закусали, кого

требовалось, причем насмерть, а теперь еще и порыкиваете. Ну, точно щенок – хороших кровей, но по возрасту еще дурной. Княгиня не истеричная дура, должна сообразить, что при ПРАВИЛЬНОЙ дрессировке из такого настоящий защитник получится».

– …Но все равно, – Мишка добавил металла в голос и в упор уставился на Агафью, – стрела была погорынской! А был бы болт самострельный, так и в том греха не вижу!

Подействовало – княгиня вспомнила, что находится в руках мальчишек-«отморозков», и изобразила жестом: «не обращай внимания – нервы». Мишка кивнул, мол, понимаю, и продолжил рассказ, тщательно избегая любых отклонений от избранного им образа. Мальчишка, воображающий себя рыцарем и грозным воеводой, которому несказанно повезло уже и тем, что он просто выжил, а тут еще и князя пленил, и заложников освободил! Везунчик, но сам этого не понимает, как не понимает и того, что вместе с пленением князя и освобождением его семьи приобрел не столько честь и славу, сколько множество проблем на свою тощую задницу. Ждет, несомненно, почестей и наград, уже заранее чуть не лопается от гордости, но… вот тут для Агафьи должна была возникнуть непонятка: родней приходится Святополчичам, а преданность демонстрирует Мономашичам, вернее, одному из Мономашичей – Вячеславу Туровскому.

Княгиня слушала внимательно, время от времени стимулируя рассказчика то кивком, то ободряющим междометием. За мужа, кажется, переживала искренне – ну и что, что особо страстной любви между ними не случилось (брак-то династический), все равно вдовья доля не подарок и на городненском княжении ее никто в случае смерти Всеволода не оставил бы.

Было, однако, в ее реакции и такое, что Мишке весьма не понравилось. Когда рассказ дошел до того, как Всеволод всего с двумя десятками дружинников бросился на выручку семье, по лицу княгини скользнуло что-то вроде презрительной усмешки. Мишка догадался, что в иных обстоятельствах подобные действия князя были бы прокомментированы Агафьей всего одним словом: «Дурак».

Мишка и сам не считал поведение Всеволода образцом мудрости, но взыграла мужская солидарность: «Он все бросил, раненый очертя голову скакал ей на выручку, чуть не умер, а она… Вот она – баба во власти: все чувства задавлены,

компьютер в юбке, ничего женского не осталось».

Известие об агрессии Полоцка Агафья восприняла спокойно, и Мишка решил, что если она о планах соседей и не знала точно, то вполне могла догадываться, а еще могла надеяться при удачном стечении обстоятельств оттягать под шумок у Пинска землицу, прилегающую к Городно. Кусок, что ни говори, жирный – «Черная Русь» с плодородными и хорошо заселенными землями, не то что полесские болота.

К намерению Мишки явить плененного Всеволода в Турове пред очи Вячеслава Владимировича Агафья, похоже, отнеслась с пониманием – мальчишка-сотник ради такого звездного часа наизнанку вывернется, а вот то, что ее судьбу будет решать Всеволод, а не этот сопляк, которым, как поначалу показалось, она смогла бы вертеть, как заблагорассудится, княгине не понравилось. Необходимость визита в Туров и в Киев для спасения вляпавшегося в серьезные неприятности муженька она прекрасно понимала, но одно дело, когда она сама приедет (подготовившись и посоветовавшись), и совсем другое, если ее привезут – пусть не пленницей, а спасенной, но все равно привезут. Выглядеть добычей какого-то сопляка из погорынского захолустья ей очень и очень не хотелось. Западло, так сказать, княгине, но никуда не денешься – если муж так решит, мальчишка поддержит его, а не ее.

– Ну, что ж… – задумчиво произнесла Агафья по окончании Мишкиного повествования, – благодарствую, боярич, много ты мне нового и неожиданного поведал.

«Ну, вот! А где боярин Михаил Фролыч? O quam cito transit gloria mundi[6 - O quam cito transit gloria mundi (лат.) – О, как скоро проходит мирская слава. Выражение из книги немецкого философа-Фомы Кемпийского (XV в.) «О подражании Христу». Сейчас более распространено в искаженном виде: «Sic transit gloria mundi» – «Так проходит мирская слава».]. Проще говоря: «Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал». О женщины, женщины… обольстить не удалось, вертеть не получится, значит, и доброго слова не дождешься. Да и цена тем добрым словам…»

– Обдумать мне все это надо, – продолжила Агафья после паузы. – А ты ступай пока… Ступай.

Мишка молча поднялся со скамьи, отвесил поклон, четко, как на строевых занятиях, развернулся и пошагал к выходу в сопровождении «пажей».

Глава 4

Возле дома Мишку поджидали Артемий и Дмитрий. Оба откровенно маялись неизвестностью и уставились на своего сотника так, будто надеялись, что он прямо с порога начнет вещать невесть какие истины. Игнорируя их нетерпение, Мишка обернулся к Елисею и Елизару.

– К Якову вас пока не отпускаю. Будете находиться при ее светлости… ну, не прямо рядом с ней, а в том месте, которое она вам укажет, чтобы в любой миг, если потребуется, она через вас могла ко мне обратиться. Или если ей еще какая-нибудь помощь понадобится. Понятно?

– Так точно, господин сотник!

– Княгиня Агафья Владимировна, разумеется, будет вас расспрашивать о Ратном, о воинской школе, обо мне, о воеводе Погорынском… и о прочем всяком. На вопросы велю отвечать коротко и ясно, если чего-то не знаете, так сразу и говорить, а не выкручиваться и не врать…

Мишка немного подумал и добавил:

– Если вам покажется, что она спрашивает о том, о чем ей знать не надо, отговаривайтесь незнанием и отсылайте ко мне. Ясно?

– Так точно, господин сотник!

Ответ прозвучал менее уверенно: близнецы явно не представляли себе, чего именно княгине знать не надлежит. Подробно их на сей счет инструктировать Мишка и не собирался – пускай изображают таинственность, как получится; дают Агафье лишний повод пообщаться с бояричем. Созданный имидж надо укреплять: мало ли что княгиня себе навоображает, а каждый новый разговор – способ этот самый имидж поддержать или подправить при нужде, то есть то

самое управленческое воздействие, которым корректируют процесс управления после получения сигналов от объекта по обратной связи.

– Артемий, сейчас снова пойдешь в дом и скажешь княгине, что один из них все время будет там, где она укажет. Для услуг.

– Слушаюсь…

– Погоди! – Мишка увидел у Дмитрия в руке туесок и вспомнил, что хотел угостить детишек. – Поговори еще, если не с самой княгиней, то с кем-нибудь из нянек. Их же наверняка из дому не выпускали, да заставляли тихо сидеть, а детишкам побегать охота, пошуметь… ну понимаешь.

– Угу.

– Вот и предложи детишек погулять вывести. Тут теперь безопасно, да и мы присмотрим. И спроси насчет одежды, а то их по самой жаре захватили, а сейчас уже холодает. Еще узнай, как у них с едой, вернее, скажи, что как все приготовим, так их в первую очередь и покормим. Ну и, может быть, им еще чего-то нужно, пусть скажет. И… сам там сообрази, если я чего забыл.

– Тут вот Мотька меду для детишек, как ты велел…

– Вижу. Потом. Ступай.

– Слушаюсь, господин сотник.

Мишка огляделся: отроков возле дома совсем немного и все при деле, трупы и пленных куда-то убрали, коней тоже не видно…

– Мить, как тут у нас дела?

– Дозоры расставлены, еду готовят там, – Дмитрий махнул рукой в сторону леса, – решили, на всякий случай, не дымить. Коней отвели на водопой… У берега пошарили, ну, мало ли что, верши нашли, так что уха будет. Пленный… тот, что в одеже разрезанной…

– Да, помню.

– Он ляхом оказался, и, похоже, не из простых, мы его связали, а так без тебя не допрашивали. Егор… – Дмитрий запнулся, – Егоров десяток и Роська с нашими еще не вернулись, но скоро будут – гонца прислали. Кроме Егора еще двое раненых и один расшибся – с коня упал.

– Раненые тяжелые?

– Не знаю, привезут – увидим.

– А Мотька как?

– Вроде бы нос сломан… повезло.

– Как это повезло? – удивился Мишка. – Ничего себе везенье!

– Так это… наставник Алексей показывал, что если вот так, чуть снизу в нос ударить, то и насмерть можно.

– А-а! Ну, тогда да, можно сказать, что и повезло. Давай, Мить, ты тут командуй дальше, а я вон на завалинке посижу – подумать надо.

– Слушаюсь, гос…

– Да ладно тебе… не в строю.

– Хорошо, я велю, чтобы тебя не беспокоили.

– Угу…

Мишка сел, откинулся на стену дома, поскреб кольчугой по бревнам – как бык о забор почесался, и прикрыл глаза. Разговор с Агафьей дался ему гораздо большими усилиями, чем со Всеволодом. Все-таки быть «мальчишкой со стариковскими глазами» ему привычнее, чем изображать бурлящего гормонами и эмоциями пацана. Результат тоже особо не радовал – нет, злости в княгине он,

похоже, не вызвал, но вот раздражение наверняка, да и осадочек у нее останется.

Но хороший управленец и свои промахи сможет к выгоде использовать: слишком восторженные отзывы жены о спасшем ее отроке и его пацанах князя только насторожили бы. Вот начнут в дороге сиятельные супруги мнениями о нем обмениваться, языки обобьют, и выяснится, что мнения-то эти крайне противоречивые, а кое в чем так и вовсе разнонаправленные. Да и отношение к нему у обоих сложилось, мягко говоря, настороженное. Правда, необходимо учитывать, что пора паркетных генералов и лизоблюдов наступит гораздо позже, сейчас властителям нужно иное: пока что время пассионариев, а у них свои приоритеты.

Нет, послушные и услужливые, готовые пресмыкаться, всегда найдут себе теплое местечко при сильных мира сего. Яркий тому пример – боярин Гоголь и Веселуха. Один боярин, муж приближенной к княгине боярыни Соломонии, но это – его потолок, и большего такой никогда не добьется, просто потому что добиваться желаемого не хватает ни силы воли, ни ума. Зато второй наверняка неудобен, наверняка дерзок, но детей и вообще все дела в Городно после Соломы князь именно на него оставил.

То, что княгинюшка станет зудеть про непредсказуемость подростка, в то время как сам князь в нем что угодно, только не это увидел, окажется весьма кстати. Ну и пусть – минус на минус иногда плюсом оборачивается. Они же не просто муж с женой – соправители и наверняка соперники. А потому и неплохо, что Всеволод это явное несоответствие отметит, да и она призадумается. Ну, а сам Мишка добавит еще – и ей, и ему… Путь до Турова неблизкий, только бы не выйти из образа…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

От латинского: Tempora mutantur et nos mutamur in illis. – Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (Овидий).

2

В те времена все славяне вполне понимали друг друга без переводчика – диалекты разных племен еще не разошлись так далеко, как сейчас.

3

Сбить с панталыку – смутить, сбить с толку, в переносном смысле – переиграть в словесном поединке человека, более начитанного, знающего.

4

Булгаков. «Мастер и Маргарита».

5

Такой герб в Польше того времени действительно существовал.

6

O quam cito transit gloria mundi (лат.) – О, как скоро проходит мирская слава. Выражение из книги немецкого философа-Фомы Кемпийского (XV в.) «О подражании Христу». Сейчас более распространено в искаженном виде: «Sic transit gloria mundi» – «Так проходит мирская слава».

Купить: https://tellnovel.com/ru/krasnickiy_evgeniy/sotnik-ne-po-chinu

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить